

Prix 75 fr.

LE DEMOCRATE RUSSE

Revue mensuelle — Rédacteur S. MELGOUNOFF

Российский Демократ

№ 2 (Сб. 16). 1948 г.

ПАРИЖ

LE DEMOCRATE RUSSE

Revue mensuelle — Rédacteur S. MELGOUNOFF

Adresse : « LES INDÉPENDANTS », 91, rue Lecourbe, Paris-XVe
BOITE POSTALE 36

Российский Демократ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Под редакцией С. П. МЕЛЬГУНОВА.

При ближайшем участии А. В. Карташева и И. М. Хераскова.

№ 2. (Сб. 16).

1948 г.

Prix 75 fr.

СОДЕРЖАНИЕ

С. П. Мельгунов. НЕОЖИДАННЫЙ ЭПИЛОГ. — Викт. Монкевич. ШАГ ВПЕРЕД — ДВА НАЗАД. — Наблюдатель. ЧЕГО ЖЕ ОНИ ХОТЯТ? — М. Ф. Ковалев. К БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ РОССИИ. — Н. А. Цуриков. О ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ. — С. М. ОТКЛИКИ. — И. М. Херасков и Н. ПРОБЛЕМА ДНЯ (современная переписка из двух углов). — Проф. И. С. ИСПОВЕДЬ ДОКТОРА ПЕЛЮХИНА. — Н. Н. ЖЕНА ОСУЖДЕННОГО. — Орлов (ст. лейт.). ГИБЕЛЬ ОДНОГО ГОРОДА. — Вл. Романовский. БОЛЬШЕВИЦКАЯ ПРОПАГАНДА. — М. Ф. Ковалев. ЦЕЛОСТНОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И ЖИВОТНЫЕ. — Даров. НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ. — Вера Сидорова. МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН. БЛЕФ ВОЙНЫ (Вместо обзора). — РУССКИЕ ИЗГОИ (Хроника и материалы). — К. М. Тихомиров. ОТ РУЗВЕЛЬТА К СТАЛИНУ в международном праве. — Б. Н. Уланов. РОССИЯ ИЛИ СОЮЗ НАРОДОВ? — ГОЛОСА ЧИТАТЕЛЕЙ.

В виду значительного вздорожания издания, редакция вынуждена для новых подписчиков повысить продажную цену журнала — без такого повышения нельзя свести концы с концами. Вместе с тем редакция еще раз убедительно просит все деньги (подписные и жертвуемые) посылать исключительно на имя С. П. Мельгунова. Условия подписки на последней странице.

Неожиданный эпилог

В нашем седьмом сборнике («Независимый Голос») под заголовком «Чекист предатель» была помещена заметка, разоблачавшая работу в качестве агента Ч.К. в 18-19 г.г. б. гвардейского офицера Гевлича.

Пензенские жители слишком хорошо знали это имя, и слухи о связи Гевлича с розыскными органами Дзержинского давно уже были широко распространены в эмиграции. Мы считали своим долгом поместить присланную статью в момент, когда на русском зарубежном горизонте в Бельгии снова выплыло имя Гевлича и опять связывалось с большевиками. Мы знали, что Гевлич, проявивший значительную активность в Германии во время войны и появившийся затем во Франции, должен был ее покинуть.

У редакции не было сомнений в правдивости помещаемых сведений. Еще в 1940 г. в парижской газете младороссов «Бодрость» был напечатан отрывок из повествования Р. Б. Гуля «Конь рыжий», в котором черным по белому было предъявлено Гевличу обвинение. Никто тогда **не опроверг** опубликованных данных. Молчание приобретало тем большее значение, что разоблачение появилось в органе, близком к прежнему политическому окружению Гевлича. Наша редакция знала, что Гевлич не был принят в эмиграции в офицерское объединение своего полка, что само по себе достаточно ярко характеризовало его морально-общественный облик. Автором заметки в нашем сборнике был известный общественный деятель, имевший полную возможность по своему положению дать точную информацию — автор гарантировал нам свою готовность выступить на суде в случае привлечения нас к ответственности и свидетельскими показаниями подтвердить правильность сообщенного. **Напечатанное и на этот раз не было опровергнуто.**

Через несколько месяцев мы получили от бельгийского адвоката Стасса, представлявшего интересы Гевлича, требование сообщить имя автора статьи. От этого мы отказались в соответствии с русской литературной традицией, считая преждевременным до возможного суда оглашать имя автора, и предложили Гевличу через его адвоката прежде всего опровергнуть возводимое на него обвинение. **Опровержение не было прислано.** В качестве редактора сборника я был Гевличем привлечен затем к суду, но в порядке не уголовном, а только гражданском, т. е. оклеветанный требовал с меня возмещения материального ущерба, им, якобы, понесенного. Привлечен я был не в Париже, где находились свидетели и где только могла произойти моральная реабилитация Гевлича, а в Брюсселе.

Дальше началось нечто неожиданное и для меня странное. Защита наших интересов была поручена французскому адвокату Жовару, которому было названо имя автора и предоставлены имеющиеся у нас доказательства. Наша уверенность в правильности обвинений, предъявленных Гевличу, за это время лишь укрепилась, ибо с определенностью можно было установить, что преступная работа именно Гевлича послужила в значительной степени основой для раскрытия в 19 г. большевицкой властью известного дела о московском «Национальном

Центре», по которому погибли крупнейшие общественные деятели (Шипов, Щепкин, братья Астровы и многие другие)...

Проходили месяцы, и 17 августа нынешнего года неожиданно для себя я получил исполнительный лист, из которого узнал, что заочно присужден бельгийским судом к уплате Гевличу 25.000 б. фр. (он требовал 500 тыс.) и к покрытию расходов по судебному процессу, около 5 т. б. фр., т. е. в совокупности к уплате суммы в размере по меньшей мере 150.000 фр. фр. В мотивах решения суда, между прочим, отмечалось, что я явно уклоняюсь от ответственности, пытаюсь укрыться за свою, якобы, неподсудность бельгийскому суду, не называя автора статьи, не обозначив в своем журнале требуемое законом имя жерана (наши сборники не являлись периодическим органом печати) и не представив суду никаких доказательств. Под сомнение была поставлена даже наличность самого официально зарегистрированного издательства «Les Indépendants».

Не в моей компетенции рассматривать юридическую сторону дела — знаю, что я не был ни автором инкриминируемой статьи, ни ее формальным издателем; знаю, что г. Литвинов, занимающийся в Брюсселе книжным делом и привлеченный к ответственности за распространение напечатанной под моей редакцией клеветы (он был оправдан судом), никогда моим представителем не был (а именно этим представительством мотивировалась моя подсудность бельгийскому суду); знаю, что я не имел ни малейшего представления о том, что 13 июля рассматривалось в Брюсселе дело обо мне и, следовательно, не имел никакой фактической возможности представить суду реабилитирующие меня данные.

Как могло произойти столь необъяснимое? — на суде не присутствовал наш адвокат, долженствовавший там быть, и абсолютно никаких разъяснений по существу дела не было дано. Я могу объяснить это только исключительной небрежностью французского адвоката, который лишь от меня узнал, что в Брюсселе был суд и что я уже получил (как будто бы несколько преждевременно?) исполнительный лист на взыскание почти астрономической для меня денежной суммы...

Но пока все-таки ничтожные, к сожалению, остатки моей научной библиотеки не будут проданы за бесценок с публичного торга, ибо приговор первой судебной инстанции может быть обжалован. Апелляция сделана уже франко-бельгийским адвокатом русского происхождения проф. Филоненко. Надеюсь, что нам удастся устранить некоторые по крайней мере недоумения, возникшие у бельгийских судей, и представить свои доказательства. Но каково бы ни было в будущем формальное решение иностранного суда, моя редакторская совесть останется спокойной, ибо морально реабилитировать себя перед русским общественным мнением путем взыскания того или иного количества франков нельзя... Если Гевлич совершил тягчайшее, почти не прощаемое общественное преступление в свое время по малодушию, то ему надлежало или принести публично покаяние, или скрыться от людского суда.

С. Мельгунов.

Шаг назад, два вперед

Более тридцати лет на необъятных просторах бывшей Российской Империи, а в последние пять лет и в некоторых, бывших, странах Зап. Европы, большевики бесцеремонно расправляются с людьми, только за то, что они являются инакомыслящими.

1917-1922 г.г. Массовые расстрелы, убийства в России в период ре-

волюции и так называемого, военного коммунизма. Попытки и расстрелы «Чрезвычайной Комиссией» людей, не только захваченных в плен с оружием в руках, открыто, в рядах белых армий и повстанческих отрядов, боровшихся против большевизма, но и всех тех, кто по идеологии коммунизма, относился к категории так называемых классовых врагов.

К этому периоду относятся действия против «вандейцев-крестьян» карательных отрядов, «Опертроек», «Прод-заград» отрядов Чeka внутри страны и действия интернациональных бригад китайцев, монголов и латышей в составе большевистских армий на фронтах... В этот период, на пристанях г. Баку, в старые баржи грузятся «гидра-контрреволюция», т. е. люди всех сословий и профессий и вывозятся в открытое море. Там в баржах делаются пробоины и битком набитые живыми людьми судна, мужчины, женщины и дети идут ко дну моря, во славу 3-го Интернационала.

В Бакинском порту не хватило барж, и последние партии мучеников, общим числом до 50.000 человек, вывозятся на о. Буйло, лежащий в море против Алятского залива. На берегу оврагов острова, эти люди расстреливаются из пулеметов. Свалившиеся в овраг трупы не закапываются. Зачем? Остров пустынный... Посещение его под угрозой жестокого наказания и смерти запрещено даже рыбакам...

Вокруг острова посменно крейсируют военные катера... Сейчас остров является территорией, на которой испытываются разрушительные действия авио-бомб новых конструкций. Но находились смельчаки, не верившие слухам, рассказам про трагедию на острове. Смелчаки уже советского поколения, которые ночью, в ненастную погоду, в утлой рыбацкой лодке, рискуя жизнью при неудаче, проскальзывали к острову, чтобы собственными глазами, увидеть сохранившиеся еще черепа и кости, разбросанные по склонам и дну оврагов угрюмого «Буйло».

1922-1927 г.г. Пятилетняя передышка. Период НЭП'а. Чeka переименована в ГПУ. Менее слышно уже о массовых арестах и расстрелах... Для ушедших в эмиграцию частично объявлена «амнистия». Не препятствуется богослужению в церквях... Разрешено иметь частные предприятия. Земля является собственностью крестьян. Труд рабочего, охраняется законом достаточно, для безбедной жизни. Казалось! Но, «НЭП», по своему существу, несет смерть идее коммунизма. Материальное благополучие народа и при этом его психология в корне подрезают марксистско-ленинскую классовую теорию. В коммунистическую партию и комсомол вступают единицы и то только потому, что вступившие пользуются рядом партийных привилегий и льгот вплоть до бесплатных посещений театров и кино по «пригласительным» билетам. Все это вместе взятое не входит в расчеты интернациональной правящей клики.

И где-то там «наверху», в сферах правящей клики, оценив обстановку, решают: «Быть или не быть»? ЦК Компартии, подсчитывает силы и строит планы окончательного уничтожения противодействующих коммуне сил и превращения страны в опорную базу для «прыжка на весь мир», базу для мировой революции...

Строятся планы превращения страны, в «индустриально-аграрную» и планы создания армий для завоевания мира... Подлежит осуществлению учение Ленина... «шаг назад, два шага вперед». «Нэп — это шаг назад!».

1927-1932 г.г. Широкий фронтом внутри страны, воинствующий коммунизм переходит в наступление на «классово-чуждую, идеологически-несовместимую с учением коммунизма», жизнь.

В первую очередь, смерть частной собственности вообще и разгром крестьянских индивидуальных хозяйств, как наиболее несовместимых с идеологией коммунизма и реакционных по отношению к ней, в частности...

Годы сплошной коллективизации... Годы «раскулачивания», ссылок, расстрелов... Годы, когда на каменных плитах, закрытых для богослужений многочисленных церквей и соборов г. Тобольска и др. городов Сибири, тысячами гибнут, ограбленные до нитки и вывезенные в ссылку крестьяне-«кулаки» и «подкулачники», именуемые там уже «спецпереселенцами». Годы, когда в «плановом порядке» закрываются по всему СССР церкви, синагоги, кирхи и молитвенные дома, а священно-служители сотнями и тысячами по негласному решению «суда» — спецтройки Г.П.У., расстреливаются в его подвалах, ссылаются на медленную, мучительную от рабского труда и истощения, смерть в концлагеря «Соловки», «Архангельск» и др. Годы, когда возвратившиеся «по-амнистии» бело-эмигранты по заранее разработанному плану, арестовываются, ссылаются в концлагеря и просто уничтожаются. Годы, узаконенного «государством», безпримерного в истории, грабежа, насилия и убийства.

Но страна сопротивляется! Огнем восстаний полыхают Дон, Кубань, Кавказ, Ср. Азия, Урал и Сибирь... Артиллерийским огнем с участием авиации, сметаются с лица земли села, станицы, аулы и кишлаки... Кровь, кровь и кровь... Разъединенные, ничего не знающие друг о друге, не имеющие объединяющего центра, примитивно вооруженные очаги восстаний беспощадно заливаются кровью восставших, но не сдаются, выливаясь в формы саботажа и террористических актов «проводящих в жизнь решения партии» коммунистов.

Почти поголовно уничтожается домашний скот, приводятся в негодность и тоже уничтожаются с.-х. машины и орудия, подлежащие обобществлению в коммунах и колхозах.

Коммунисты во главе с ЦК, вынуждены капитулировать... Вся вина за неудачу сваливается на «наголовотяпившие» партийные «низы»... Идут показательные процессы... «перегибщиков», «загибщиков», «оторвавшихся» и «заввавшихся» секретарей сельских, районных партийных ячеек и членов их бюро. Попадает изредка под суд кое-кто и из областных партийных центров... Спасая положение и выгораживая себя, ЦК жертвует частью низового партийного аппарата, вся вина которого состояла только в том, что он преданно и точно выполнял секретные инструкции того же Цека... Это — вновь «шаг назад»!

1932-1937 г.г. Второе подготовленное наступление на крестьянство (в основном) С.С.С.Р.

Методами искусственного голода и соответствующих карательных приемов — террора Г.П.У. — Н.К.В.Д., уничтожаются миллионы людей... Остающимся единственный путь к жизни — это колхозы... Земля и рабочий скот обобществляются окончательно... Храмы разрушаются, а частью превращаются в клубы, кино, театры. Сотни тысяч людей в концлагерях и на принудительном труде по строительству каналов. Вступает в жизнь вторая пятилетка по индустриализации страны, как базы для будущего, милитарного наступления на мир.

Это... «два шага вперед»!

1937-1942 г.г. Внутреннее сопротивление коммунизму в стране окончательно сломлено и разгромлено кровавой чисткой Наркома НКВД Ежова... Уничтожается и он сам, как «живой свидетель», действовавший по непосредственным инструкциям Ц.К.

Построено «бесклассовое общество». Обезволенные, запуганные всем происходившим, непрестанно пропагандируемые компартией массы готовятся в бой за... «освобождение трудящихся всех стран мира от капиталистического ига».

Спровоцирована война с Финляндией... Рука об руку с нацистом Гитлером Сталин участвует в уничтожении и разделе Польши... Уничтожает самостоятельность Литвы, Латвии и Эстонии и включает их, как «союзные республики», в состав СССР. Массовые аресты, расстрелы и ссылки «классово-чуждых» элементов во вновь занятых, фактически оккупированных странах.

Уничтожение интеллигенции этих стран, как ненадежной и в будущем безусловно враждебной (опыт СССР) «прослойки» и... вдруг неожиданный удар, казалось бы все учевшего Гитлера по... «колоссу на глиняных ногах».

Небывалый в истории войн разгром советских армий... «Киевское», «Вяземское», — окружения, «Волховский мешок» и т. д., и т. д. Армии сдаются, отступают, бегут, не принимая боя... Над головами Кремлевской антинародной правящей клики зловеще-реально нависла петля. Но окрыленные успехом «нации» сбрасывают маску и, считая, что «шкура медведя» уже их, показывают открыто свое истинное лицо, такое же по своим методам и конечной цели фашизма-социализма, как и Сталинский фашизмо-коммунизм.

Ц.К. компартии имеет единственный выход! Это обратиться к патристическим чувствам Русского народа... Выхода нет! Срочно шьются и надеваются погоны, строго по образцу бывших царских. Возносятся на высоту ранее «классово-чуждые» имена Суворова, Кутузова и князя Александра Невского... Открываются случайно уцелевшие церкви... Отыскиваются случайно уцелевшие священнослужители... «Распускается» Коминтерн и на многое другое намекается, «дескать, ошибались». «Вот только разбейте немцев, сделаем все, что нужно, и заживем по старому, дореволюционному»... Волк надел овечью шкуру.

Это... «шаг назад»!

1942-1947 г.г. Немецкий фашизм разбит. Русская (уже не красная?) армия, занимает Польшу, Румынию, Венгрию, Финляндию, Австрию и половину Германии. Победа полная и над «нацией» окончательная... Теперь, весь вопрос только в том, чтобы незаметно снова передернуть карту и доказать, что коммунисты никак и никогда от своей «идеологической платформы» не отходили. Убедить народы мира и свой, что победа пришла именно в силу того, что учение коммунизма является самым жизненным учением и что, не будь Маркса-Ленина-Сталина, мир был бы поработен немецким фашизмом.

В этих целях СССР должен в первую очередь изъять из-за границы живых свидетелей фактического краха коммунистических идей в России... Должен, во что бы то ни стало, пресечь деятельность за границей бывших граждан СССР.

Ведь они хорошо знают 30-летнюю жизнь народа в СССР... Ведь они знают, как оставляется колхознику в личное пользование только 0.25 га земли, а Сталин и члены ЦК в Лianosове, Вишняках и Болосево под Москвой имеют собственные дачи с охотничьими угодьями по несколько сот гектар... Ведь они знают о собственных санаториях-заповедниках, правящей коммунистической клики в Крыму и на Кавказе.

Ведь они знают кое-что (шила в мешке не утаишь) о их личной жизни, о с ног сшибательных кутежах с женщинами, о так тщательно скрываемом разврате... И самое главное, они знают о секретных кладбищах расстрелянных НКВД в каждом окружном городе СССР...

Немцы открыли только одну «Катынь» и «Винницу» и хорошо, что они были фашистами... Не все-то им и поверили. Но значительно хуже, когда об этом говорят сотни тысяч проклятых невозвращенцев, которых никак нельзя подвести под рубрику военных преступников, или хотя бы уголовных.

«Быть или не быть»!!

Приближается «последний и решительный бой»! Никаких масок! Они с коммунистов сорваны раз и навсегда. А поэтому решаются насаждать силой коммунистические правительства в оккупированных ими странах, уничтожая политических противников... Поэтому среди коммунистов Запада появляются новые «национально-коммунистические» течения?! Важно выиграть этот последний бой! А поэтому не жалеть средств на содержание коммунистических очагов за границей.. Всеми мерами и способами содействовать их укреплению и особенно в Аме-

рике, как носительнице демократических идей мира и в силу этого являющейся основным и главным противником фашизма-коммуны. Большевики знают сущность демократических правительств, знают, что они первые войны не начнут и пока... бояться нечего.

Войну начнет коммунистический СССР и только тогда, когда он к ней будет готов...

Коммунисты Запада будут содействовать всеми силами победе СССР во имя еще старых идей и лозунгов... Народы России в момент войны будут «амнистированы» коммунистами, у которых для этой цели тщательно приберегается козырь... «дать в частное пользование землю и пообещать там еще всякие свободы, льготы и т. п.». Авось «пройдет номер», как с погонами, национальным патриотизмом и церквями во время войны с немцами... А, после победы? Ну там уж коммунистов не учить! Методы старые, испытанные тридцатилетней практикой... **«ШАГ НАЗАД, ДВА ШАГА ВПЕРЕД!»**.

Пробега в этом кратком обзоре коммунистическую деятельность в России, одновременно поневоле задаешь себе вопрос: Как долго некоторые политические деятели Запада будут закрывать глаза перед тем, что делается на Востоке? Как долго будут «не верить», тешить себя «розовыми» снами и убаюкивать сладкими надеждами?

Виктор Монкевич.

Чего же они хотят?

Чего «они» (кремлевские захватчики) хотят вообще согласно своей официальной доктрины, достаточно хорошо всем известно. Чего они хотят сейчас, заседа в Палэ Шайо — это другой вопрос, и он мучительно встает перед всеми, кто еще читает отчеты газет и не «махнул еще рукой» на все, начиная с политики. В самом деле какой смысл в этом эпическом по своему ратоборству служащего по иностранным делам с объединенными против него ораторами всех цивилизованных стран? Зачем барин выслал его в Париж?

В последнем номере (8-9) «Соц. Вест.» Абрамович отметил правильно: перед ассамблеей ОНУ ряд гордиивых узлов — Берлин, Корея, Манджурия. Развязать их (и легко) дано лишь одному человеку. Человек не хочет, не смеет. Значит рубить? Как ни парадоксально на первый взгляд, но выбор — война или мир — трагический для цивилизованных стран, еще трагичнее ставится для кремлевского дикаря. Новый Мюнхен — бесславный, тяжкий, ни к чему не ведущий? В небывалом, даже для нашего катастрофического времени, положении — выбор нелегкий. Но он возможен и будет сделан. Путь меча страшен, но на нем маячит надежда спасения, единственная: осуществившись, она оправдает разрубивший узел Гордиев меч. Для Кремля же ни на тех, ни на других путях никаких надежд и никаких оправданий. Уйти из Берлина легко бы казалось — ну что из Берлина? Не до жиру, быть бы живу? Ан пословица складывается для них иначе: «Нельзя без жиру остаться живу». Берлин, Корея, Маньчжурия — это их спасительный жир, за который нужно цепляться: в этом вся разгадка иностранной политики барина.

Плотина под высоким давлением: малая щелка (а уход из Берлина щелка не малая!), а глядишь поползла плотина, и понеслись по течению горами мусора и маршальские мундиры, и заветы Ильича, и все прочие «марксизмы-ленинизмы».

«Упустишь огонь, не потушишь», — немолчно звучит в их ушах. Нет, только не это! Лучше уж то, другое — рубить. Потоки крови? Эка, подумаешь! Гибель культуры? А на что она далась нам, куль-

тура?... Нет, уж погибать, так по крайности с треском, «с честью», как другой «великий и гениальный» с честью погиб под пылающими развалинами Берлина и германского своего отечества. Жертвами американского империализма, фашизма, чего угодно, а не народной мести, героями (чем герои не шутят!) пролетарской легенды, а не разоблаченными жуликами и душегубами!

Итти им, как Мармеладову, некуда. Остается, сжав кулаки, зажмурив глаза, переть на пролом на верную гибель... Да и на верную ли еще? Бабушка до сих пор ворожила. «Продержимся годик, другой — глядишь, на наш век и хватит. А там, как говорила какая-то королева, пускай хоть потоп. Королева, кажется, кончила плохо, а наша вывозила доселе и еще, может быть, вывезет! Ну, придется, поклоняемся еще «Алексию» (голова не отвалится), разыщем еще какого исторического героя — ну, Скобелева там, что ли, объявим «вторую балканскую» (третью «отечественную» будто неловко), самого Александра Второго, понадобится, прославим... Эх, кабы нам «добиться чести». Уж и управили бы мы на княжество! Небось, вздохнули бы, вспоминая, и о ежовщине!»

В том то и трагедия Европы, что они обреченные люди и податься им некуда, а выбирать придется, выберут «красную» смерть на миру со вздернутым кверху двуперстием — марксизма-ленинизма!

Недавно нью-йоркская «Херальд-Трибюн» поставила на своих страницах вопрос: «смогут ли советчики остановиться перед гранью катастрофы, не переступить, отступить?». Ответ, к несчастью, ясен: не остановятся, перешагнут, не отступят! Пожертвуют гибелью не то что каких-то там миллионов, или какой-то европейской культуры, гибелью самого большевизма (если вместе с Россией, вместе со всеми), только не собственной от руки народа под торжествующие крики «фашистов»!...

«Единственная надежда избежать войны, писала та же газета, это вбить как-то в твердые лбы советских сатрапов идею того, что самим им грозит теперешнее их поведение. Возможно, что после того наступит почва для переговоров они и смогут!» Увы, и тогда не смогут. Да нечего и вбивать: «идея» крепко сидит уже в их головах и парализует их волю.

«Трудно, говорит в упомянутой выше статье Абрамович, ожидать от Парижской сессии ОНУ большего, чем от предыдущих». В общем, конечно, он прав, но все-таки.. Все-таки есть что-то и новое. Речи Вышинского по содержанию те же, но в них появилась истерика — отклик на новый характер реплик.

«Победив одно тоталитарное государство, говорил в своей речи Спаак, — Запад не расположен допустить у себя новую диктатуру. Мы хотим государство, которое служило бы человеку, а не государство, на службе которому состоит человек. Политика наша стоит на страхе — но страхе трусов, но страхе людей, которые, всматриваясь в грядущее, видят там ужасы и трагедию... Вы (СССР) внушаете нам этот страх. Ваша политика властолюбивее царской. Мы боимся вашей проповеди отсталой теории о суверенности национального государства. Ваша политика мешает действительному осуществлению нашей организации. Рядом с вашей пятой колонной гитлеровская была объединением скаутов. Куда ни взглянешь, по всему миру, видишь всюду ее, и всюду она стремится как бы ослабить и опрокинуть общую работу по реконструкции».

Еще определеннее сказанное Маршаллом: «Всякий компромисс в основных принципах для нас исключен. Правами и свободой других народов мы не поступимся никогда. Систематическое и сознательное нарушение основных человеческих прав портит доброе имя Объединенных Наций. То, что миллионы людей живут в каждодневном страхе тайной полиции, под угрозой ареста, тюрьмы, каторжных работ, без всякого разумного основания, без правильного суда, не только са-

мо по себе есть зло, но отголосок его ощущается и Объединенными Нациями. Мало вероятно, чтобы правительство, презирающее права своих собственных граждан, уважало права других стран и других народов. Вероятно, наоборот, что и в международных отношениях оно будет осуществлять свои цели насилеи!..».

Или Черчиллем (правда, не в Шайо уже, а на Конгрессе Британской Консервативной партии): «Умы наши подавлены характером нынешних отношений наших с Советской Россией. Смертельная враждебность и вечные натиски со стороны коммунистических правительств России и ее порабощенных спутников»...

Это, конечно, пока слова, т. е. очень еще немногое, но слова знаменательны и новы с недавним сравнительно прошлым. Открывается дорога надеждам, что за словами придут и дела.

Русскому уху слышать такие слова отраднo. В них звучит начало взаимного понимания российской демократической эмиграции и западных демократий — первый шаг по единственному пути, ведущему к верной победе над общим, России и Запада, страшным врагом, международными насильниками, поработившими пол Европы, главной препоной для осуществления европейского и всемирного мира.

Наблюдатель.

К борьбе за свободу России

Российская эмиграция представляет собой значительную политическую, культурную и моральную антикоммунистическую силу. Советское правительство отдает себе в том отчет и не останавливается ни перед какими средствами, чтобы ее морально и политически разложить, возможно, и физически уничтожить. Западные правительства всегда недооценивали политическую силу российской эмиграции по ошибочной аналогии с французской и другими эмиграциями. В отличие от других, российская эмиграция включает в себя все слои русского народа, все оттенки политической мысли, кроме коммунистической. Постоянно пополняемая новыми потоками, она представляет собой живое тело народа, всю Россию в миниатюре.

В новой послевоенной обстановке в связи с тем, что российский вопрос силою вещей становится центральной проблемой мировой политики, политическая ответственность эмиграции возрасла. Раскол мира на две враждебные идеологические части, проходящий не только по линии внешних границ, но и внутри каждой страны, есть исторический факт, и грозная реальность и верное отражение современной социальной и политической рездвоенности мира. Разрешение этого глубокого конфликта невозможно путем дипломатических соглашений и потому исключать возможность военного решения могут только безответственные оптимисты. Военный исход представляется правдоподобным и сам по себе обрекает советское правительство на грандиозную мировую военную провокацию. Коммунистическое правительство в Москве бесцельно бороться с внутренней логикой развития режима тем более, что его увлекает мечта о всеобщем мировом хаосе и всеобщем моральном, социальном и хозяйственном разложении после войны, которое позволит коммунистическому правительству утвердить силою свое всемирное владычество.

Но разрешение глубоких идеологических конфликтов, подобных современному, силою одного оружия невозможно. Даже в случае победы, без внутреннего перерождения всей моральной и социальной структуры побежденного организма, она может превратиться в полный идеологический, моральный и политический, а потом и военно-технический крах победителя. Это обстоятельство уже практически учтено

руководящими силами коммунистического лагеря, и Советский Союз уже давно открыл наступательные военные действия, активно оперируя в глубоком тылу противника на идеологическом, социальном и экономическом фронте, и уже успел занять на нем важные стратегические позиции, которые дадут свой эффект в момент осуществления нового грандиозного Перль-Харбора.

Ослепленный своей мечтой о мирной жизни, лагерь свободы и права утратил инстинкт самосохранения и не различает колонн врага в своем собственном расположении. Бдительность Запада ослаблена, кроме того, слепой верой в свое техническое превосходство и разрушительную силу атомных бомб. Коммунизм, однако, нельзя победить, если в борьбе с ним не будут ответственно поставлены и искренно осуществлены высокие идеальные цели.

Без русского народа нельзя победить большевизма в России, а тем самым и во всем мире. Без российской эмиграции нельзя найти организованного широкого контакта и реальной моральной и политической связи с пассивными и активными против-коммунистическими силами русского народа.

* * *

Находясь после войны все время под тяжелыми террористическими ударами советского правительства и его пропагандных и полицейско-политических органов, часто при попустительстве и даже активном соучастии западных демократических правительств, российская эмиграция все же оказалась достаточно сильной и отстояла свое политическое лицо, в значительной мере обновившись политически, благодаря живой встрече с Россией во время войны, и биологически, благодаря притоку свежей силы оттуда, настроенной против коммунизма и советского режима психологически еще более остро, чем довоенная эмиграция. Сейчас российская эмиграция, получивши новый опыт, переживает период брожения, в котором кристаллизуются новые политические тенденции и рождается новый руководящий слой. Для настроений этого нового слоя характерно отталкивание от прежней многопартийности и даже как бы неоправданная враждебность к партийности вообще. Видя свою функцию в создании активных культурно-политических сил для борьбы за освобождение и для строительства свободной России, этот намечающийся новый ведущий слой эмиграции склоняется к образованию беспартийного политического центра с насколько возможно широким охватом живых сил разных политических направлений и социальных идей.

Ошибочно, однако, думать, что создание политического центра возможно путем простого энтузиазма объединяющихся. Политическое объединение эмиграции можно будет приветствовать только в случае активной деятельности, возможной только при наличии политической платформы у объединяющихся. Уже это одно ставит известные рамки для объединения и, кроме того, требует предварительной дискуссии о платформе. Иные методы объединения вероятнее всего принесут нам лишь разочарование.

Здесь предлагается в дискуссионном порядке формулировка того общего, что, по мнению автора, дает возможность и общего действия широким политическим фронтом.

Это общее сводится к следующим положениям:

1. Россия есть культурно-историческое, хозяйственное и государственное единство свободных народов.

2. Русская культура находится в переходном периоде, вступая в фазис внутреннего пробуждения свободных творческих сил населяющих Россию народов.

Культурная динамика России в условиях свободного развития имела бы сейчас естественный характер внутреннего подъема ее культурно-творческих сил, логически совпадающий с концом ее исторической

динамики территориального распространения в предшествующем периоде ее истории. Россия после свержения большевизма найдет свой исторически подготовленный путь в новую эпоху расцвета и внутреннего культурного, хозяйственного и социально-государственного величия в ее естественно ограниченных территориальных пределах.

3. Российская революция была болезненным переходным кризисом. Из этого кризиса Россия, свергнувши большевизм, выйдет духовно-обновленной, свободной демократической страной, строящей жизнь на основах свободы, права, труда и частной собственности.

4. Коммунистический режим находится в непримиримом противоречии с нормальным ходом культурного, политического и хозяйственного развития России. Этот режим аморальной атеистической философской секты фанатиков-рационалистов бессилен устроить человеческую жизнь в России и может держаться только при помощи организованного правительственного террора. Являясь неизбежным следствием советской системы, этот террор не только не может прекратиться, но должен постоянно усиливаться, совершенствуя свою технику и время от времени прибегая, для выигрыва времени, к другим методам овладения волею населения (хозяйственный и церковный НЭП, игра на исторических чувствах патриотизма, личном эгоизме и т. д.).

5. Коммунистическое правительство, узурпировавшее власть в стране, правит Россией против воли народа, и внутренняя и внешняя политика этого правительства находится в непримиримом противоречии с историческими интересами России.

6. Русский народ, сделавший беспримерный в истории вклад энергии в дело освобождения народов Европы от порабощения германским тоталитаризмом, имеет право и на собственную свободу, и право рассчитывать на моральную и политическую поддержку со стороны всех свободных народов мира в деле его борьбы за освобождение от красного тоталитаризма, еще более страшного и преступного, чем был немецкий.

7. Русский народ нуждается в мире, хочет его и не может нести ответственность за разрушительную и аморальную политику международного коммунистического правительства, пребывающего в Москве против воли русского народа.

Трагедия современности и заключается в том, что правительства свободных народов в практической международной политике отождествляют советскую власть с русским народом.

8. Политический переворот в СССР исторически неизбежен, и при наличии активной моральной и политической поддержки со стороны правительств свободных народов мира возможен. Мир будет избавлен тем самым от потрясающей катастрофы третьей мировой войны.

9. Если же коммунистическая власть в СССР успеет вызвать третью мировую войну, вооруженный русский народ в лице его армии, при условии предварительной, еще до начала войны проявленной, моральной и политической подготовки со стороны свободных народов, без колебания обратит оружие против советской власти и режима, в полной уверенности, что правительства свободных народов не используют коварно этот шаг против русского народа.

После свержения коммунистической власти народное правительство свободной России немедленно призовет правительства всех воюющих стран к прекращению ненужной и бессмысленной войны и к установлению вечного мира между разоруженными свободными народами на началах права, справедливости и уважения естественных исторических прав всех народов, под охраной всеобщей международной организации.

10. Российская экономика нуждается в живой связи с мировым хозяйством. Хозяйственная изоляция России губительна для ее культуры и подрывает и мировое хозяйство. Россия исторически подготовлена к грандиозному подъему хозяйства: ей необходимо широкое и

живое хозяйственное и техническое сотрудничество с передовыми странами, обладающими свободными капиталами. Не только объективная борьба, но и острая субъективная потребность российских масс в повышении материального и культурного уровня являются надежным обеспечением эффективности крупных национальных и частных иностранных капиталовложений в России.

11. Созрело время, когда не только национальные интересы России, но и интересы всего мира настоятельно требуют раскрепощения свободно-творческих сил русского народа и скорейшей ликвидации коммунистического режима в России. Только после этого мир сможет вступить в длительную эпоху успокоения, хозяйственного подъема и небывалого еще в истории всеобщего расцвета.

М. Ковалев.

О политическом объединении

Не следует смешивать **политическое** объединение эмиграции с объединением по защите ее прав. К сожалению, даже интеллигентные люди до сих пор не понимают той существенной иноприродности, которая между этими двумя видами и формами объединения существует. Смешение их почти равносильно смешению функций, скажем, министерства военного и социального обеспечения... Разные функции, разный способ образования и разный состав, словом все разное, кроме слова «объединение». Объединение есть средство, а не самоцель. Мы никак не можем признать правильной мысль об объединении «любой ценой» или «во что бы то ни стало». Мы не сторонники объединения по типу Ноева ковчега.

Говоря о политическом объединении, надо поставить три основных вопроса: 1) цель, 2) форма и 3) состав объединения. Если мы признаем, что цель **имеется**, то тогда встанет и вопрос, какая форма для нее наиболее пригодна. «Единый фронт», полагают некоторые, нужен только для войны*) и **во время войны**. «Во время войны для руководства вооруженной борьбой с завоевателями такие широкие коалиции организовывались эмигрантами целого ряда стран. И, конечно, для военных успехов это было чрезвычайно существенно... Создание «единого фронта» имело смысл лишь при существовании фронта военного. Перед русской эмиграцией в настоящее время такой задачи не ставится. Не политическая роль пока ограничивается двумя задачами: 1) развитием антикоммунистической пропаганды в надежде, что она проникнет и за пределы «железного занавеса» и 2) влиянием на общественное мнение демократических стран». Говоря о пропаганде за «железным занавесом», высказывают сомнение, что наша пропаганда туда проникает. Не буду опровергать этих предположений. Это не тема для возражений и особенно приведения соответствующих доказательств... Но для меня эти сомнения верный признак оторванности сомневающихся от реальности. Говорят**), что у русской эмиграции нет и не может быть общей положительной программы, поскольку она касается времени нам неизвестного (времени, **после того**, как большевики будут свергнуты). Меня же наоборот, приятно поражает до какой степени в ряде весьма важных пунктов почти все политические программы сейчас совпадают. Психологических взаимоотношений гораздо больше, чем объективно политических и программных. Это доказывает, что русской эмиграции надоело заниматься сектантским самоублажением и

*) См. Письмо в редакцию «Русской Мысли» (№ 62) В. А. Оболенского.

**) См. то же письмо В. А. Оболенского.

составлением своих, можно сказать, политических автобиографий. Она ищет путей в Россию. А Россия так ясно говорит о том, чего она хочет; так ясно показывает, что ей нужно для залечивания ран, нанесенных ей коммунистической диктатурой, что не видеть этого просто не возможно. И повидимому политические партии, желающие иметь хоть какой-нибудь резонанс за «железным занавесом» поневоле прячут в карман все, что от «старого режима» (правого или левого — одинаково). И меня не убеждает в противоположном тот отказ, который получил Высший Монархический Совет со стороны 2-х социалистических русских партий, центры которых находятся в Нью-Йорке. Скорее наоборот. Один факт переписки П. В. Скаржинского с В. М. Черновым является по сравнению с тем, что мы имели лет 10 тому назад, политическим светопреставлением.

Перехожу к основному аргументу: Единый фронт нужен для войны и **во время** войны... Мы не считаем, чтобы этот, можно сказать, тактический максимализм был бы правилен и в смысле цели (для войны) и в смысле времени (во время войны). О первом мы уже говорили. Что же касается второго, то оно еще менее оправдано. Ведь очень часто войны и выигрываются и проигрываются в период **подготовки** к войне. И вряд ли было бы полезно повторять то, что имело место в прошлую войну, т. е. начинать готовиться к войне **после** ее начала. (Говоря о войне мы разумеем войну блока Западных Держав против СССР и единый эмигрантский фронт борьбы за освобождение России). В этом смысле **политическая** подготовка к войне нужна. И политическую линию изменять гораздо труднее, чем образцы пушек или аэропланов. Военная промышленность Германии например была достаточно эластична и легко реагировала на все военно-технические новинки противников. Но политическая линия Розенберга так до конца и не была преодолена, несмотря на совершенно ясные доказательства ее грубой ошибочности. Ведь многие немецкие офицеры, впервые попавшие в Россию, быстро признавали, что все, что им доселе говорили о России и русском народе, было неправдой и обманом. В ошибочности этой линии (Розенберга) нацисты могли убедиться и из того, как население в первые месяцы войны встречало немецкие войска. И если мы поймем, что **не СССР выиграл войну, а Германия ее проиграла** — что совсем не то же самое — и что война против России была проиграна не немецкими генералами, а Розенбергом, то нам станет ясно, какое значение имеет для войны **политическая** линия, и как трудно ее менять во время войны. Можно привести и другой пример. Ведь и союзникам понадобилось очень много времени, чтобы, несмотря на все явные доказательства, очнуться от преступной ошибки «Тегерана», «Ялты» и «Потсдама». Из всего этого следует, что к моменту начала войны совершенно необходимо, чтобы политические цели антисоветского блока были ясно осознаны. И вот спрашивается: должна ли русская эмиграция сейчас уже по этому поводу высказаться или этот вопрос ее совсем не касается? Если должна, то неужели неясно, что это требует от русской эмиграции **единого** фронта и, конечно, созданного до войны. Неужели допустимо, чтобы мнения, настояния всей русской эмиграции по этому поводу довела до сведения антисоветского блока держав какая-нибудь **одна** ее политическая группа? Желательно ли, нормально ли, допустимо ли это?

Условием единого фронта является, прежде всего, немедленное создание политического представительства эмиграции.

Какая же форма такого представительства наиболее подходящая? Я думаю, только форма **коалиции**, предполагающей, конечно, предварительный сговор об основной программе **целях и методах борьбы** — о методах прежде всего. И тут я думаю, что единомыслие среди безоговорочно-антибольшевистской эмиграции уже достигнуто. Чуть ли не во всех зарубежных изданиях и во многих уже и иностранных, мы читаем: «одними атомными бомбами СССР не победишь, нужен союз

с русским народом». Нам, возразят, что это мол еще не программа. Но мы будем утверждать, что это на три четверти уже программа **действя**.

К вопросу о коалиции можно подходить с разных сторон. Можно, например, отвлеченно критиковать эту форму объединения, доказывая, что она громоздка, мало подвижна, что чем шире коалиция, тем она программно бессодержательнее и т. д., и т. д. Все это совершенно верно, но столь же методологически неубедительно и просто неинтересно. Эти возражения напоминают мне спор одного пулеметчика, доказывавшего артиллеристу, что пулемет «лучше» дальнобойного морского орудия: и подвижнее, и скорострельнее и т. д. Это рассуждение о преимуществах пулемета аннулируется тремя словами: **смотря для чего**. Можно и должно ставить вопрос только так: нужно ли русской эмиграции общее политическое представительство? Необходимо. Является ли оно среди других политических целей эмиграции делом важнейшим? Да. Возможно ли его создание каким-либо другим путем, в других формах? Нет. Значит спорить не о чем. Но все же мы видим, что беспартийные максималисты до сих пор не понимают: почему только на коалиционных началах возможно необходимое объединение? Потому, — отвечаем мы, — что коалиция не требует от участников отказа от их политических убеждений. Она требует лишь **отстранения**, временно **«вынесения за скобки»** всего разделяющего. И поэтому, как раз эта форма является наиболее эластичной. Можно, сколько угодно, взывать к социалистам, чтобы они отказались от социализма, к монархистам — от монархизма, к солидаристам от солидаризма и т. д. Можно, сколько угодно, приглашать все эмигрантские политические группы забыть свои программы, заболеть политической «широфронтией» и, нырнув в «кипящий котел» (как в сказке о Коньке-Горбунке) выйти оттуда объединенной, но это именно сказка, да и нужды в этом нет.

Остается последний вопрос: об участниках коалиции. Здесь, мне кажется, вопрос также ясен. Сумма должна соответствовать слагаемым. Политическое объединение требует того, чтобы и участники соответствовали этому объединению, т. е., чтобы это было объединение **политических** групп и лиц. Мы бы удивились, если бы, например, монархическая партия пожелала войти в объединение профессиональных союзов. Но также было бы странно, если бы союз плотников пожелал войти в политическое объединение. Однако, совершенно понятно, что целью коалиции является не упражнение в правильном построении каких-то геометрических фигур, а чисто практическое политическое дело. Поэтому определение участников не может быть чрезмерно строгим. Если какая-либо организация ставит своей целью политическую борьбу, хотя бы она и не являлась чисто политической, — она должна быть представлена в общем фронте. То же относится к политическим одиночкам, не вмещающимся сейчас ни в одну политическую группу. Никаких возражений против их приема, с точки зрения «неравенства представительства», быть не может. Ибо смысл и идея, природа каждой коалиции заключается не в том, чтобы большинство подавляло меньшинство, а в вынесении решений путем соглашений. Коротко подведем итоги.

1. Общее политическое объединение русской эмиграции необходимо не только во время войны, но и сейчас, в целях создания единого политического представительства русской эмиграции.

2. Это политическое представительство необходимо для объединения и единых выступлений не только перед правительствами, но и перед общественным мнением государств, не желающих стать рабами СССР.

3. Такое объединение может быть осуществлено только в форме коалиции антисоветских политических групп и отдельных лиц.

4. Участие в коалиции не лишает права сепаратных выступлений участников коалиции в отношении всевозможных (агитационных, боевых и пр.) акций в отношении СССР.

Вопрос этот так важен, что было бы очень желательно продолжить его обсуждение и выслушать аргументы и сторонников и противников создания общего политического центра русской эмиграции в целях освобождения нашей родины.

Мюнхен.

Н. Цуриков.

ОТКЛИКИ

У некоторых политических друзей «Российского Демократа» из числа новых эмигрантов вызвало огорчение помешение в журнале отрывка «Последние дни ген. Власова». Думается, что у них до сих пор еще несколько болезненно обострено чувство восприятия того прошлого, в котором им пришлось играть активную роль.

История не терпит фальши. В жизненно правдивой, по нашему мнению, картине, зарисованной неизбежно субъективным пером очевидца, который сам остро переживал события, ничего порочащего моральный облик ген. Власова не было*). Слишком необычайна была психологическая обстановка, в которой протекал драматический момент крушения последнего этапа российской освободительной борьбы периода войны. В ней легко было растеряться, ибо рационального выхода в сущности не было. В этом и был трагизм положения.

Конечно, не наступило еще время для всестороннего объективного обследования всех внешних и внутренних причин, предопределивших судьбу «власовцев». Существуют, по крайней мере, три противоречивые версии для толкования пражской эпопеи. Какую из них выбрать? От такого решения в значительной степени зависит и то или иное объяснение тяжелых личных переживаний ген. Власова в майские дни 45-го года.

* * *

Редакция получила письмо, автор которого довольно претенциозно требует напечатание его «без изменений». Этого мы сделать не можем, но ответить на поставленный им вопрос нам представляется целесообразным.

Автор, называющий себя «русским», не одобряет того, что «эмигрантская русская пресса» все население СССР объявляет «русским»: «каков же смысл Вашего демократизма, — спрашивает он, — если Вы имеете в виду принудить нерусские нации быть русскими и говорить по-русски». Программа Союза Б. за Р., на которую ссылается автор, отнюдь не предполагает «принудить» всех говорить «по-русски» — дело идет лишь о признании единого общегосударственного языка на территории будущей российской федерации. Нельзя же в будущей России установить 180 государственных языков! — ведь получится столпотворение вавилонское!

В принципиальной плоскости может быть, конечно, поставлен вопрос о признании общегосударственным языком не только одного «русского». Например, допустить, что каждая народность, включающая в себя хотя бы не менее 10% общего количества населения, имеет право претендовать на признание ее языка общегосударственным (фактиче-

*) К сожалению, произошла роковая недоговоренность. Автор считал, что будет использован лишь фактический материал из его дневника и исключены все личные комментарии. Вина невольно падает только на редактора журнала.

ски это означало бы признание таких прав за украинским языком). Вопрос сложный и едва ли подлежащий сейчас обсуждению. Однако, он ставится в приходящих письма и разрешается по разному. Напр., в письме монархиста-федералиста, цитата из которого приведена ниже в «голосах читателей», вопрос рассматривается так: «говорить... что русский язык является общегосударственным языком излишне, ибо значение русского языка в российском масштабе покоится не на его обязательной «общегосударственности», а на том... естественном праве, даже не праве, а свойстве, которое приводит к тому, что даже за границей, собираясь на свои совещания, посвященные раздроблению и уничтожению России, крайние сепаратисты из числа сторонников «Интермариумов» и «А. Б. Н.», вынуждены пользоваться, чтобы понять друг друга, русским языком»...

Во всяком случае в нашей политической платформе говорится не о какой-то «**гарантии**», предоставляемой «**сильным русским народом**», а об установлении именно **естественного права** всех граждан России пользоваться своим родным языком и развивать свою родную культуру. Мы охотно для ясности восстановили бы в правах гражданства несколько старомодный, но всеобъемлющий термин «россияне», ибо нас только раздражает обычное, вводящее путаницу ненормальное противопоставление, напр., украинцев русским. Но очень трудно отказать сразу от того, что прочно вошло уже в литературный обиход. Мы не можем понятие «русский» сузить термином «великоросс», не вызвав, вероятно, решительного протеста со стороны многих, очень многих русских не славянского или славяно-финского происхождения. Под «русской» культурой искони имеется ввиду культура не местная, а общероссийская. Учитывая это, мы и называли свой журнал «Российским Демократом», а не «русским».

* * *

Надо подвести итоги эпопеи, которая вкратце была рассказана в № 1 «Рос. Дем.» — раскола слишком поспешно сколоченного политическими проектерами в Мюнхене нового «верховного политического органа Освободительного Движения».

Дело сводилось, как, вероятно, помнит читатель к «двурушнической» работе руководителей военного «Союза Андреевского Флага», которые, по выражению одного официального документа Центр. Коллегии АЦОДНР, пытались «навязать немецкую точку зрения», отрицая, «за народами России право и возможность решать свои вопросы самостоятельно» и требуя «выдачи патента на решение русского вопроса немецким военным специалистам». Что реальное скрывается за этими таинственными словами, так и остается неизвестным.

Суть, однако, не только в пронемецкой тактической позиции главителей российской массовой «военной организации», но и в том, что ген. Глазенап и его теперешние соратники выявили «чуждую Освободительному Движению пораженческую платформу» и отрицают «народную освободительную революцию», на которой стоит образовавшийся в американской зоне российский политический центр. Расхождение идет еще глубже, ибо раскольщики подменили «власовскую демократическую» платформу Осв. Движ. монархической платформой РООНД (новоявленное российское общенац. нар. движ. — «державники»)...

В конце концов «за нарушение внутренней дисциплины» из Центра оказались исключенными г.г. Глазенап, Кононов, Спиридонов, Артемьев, Зубакин — пожалуй, несколько запоздало, ибо о «внутренней спайке» надо было думать раньше, до образования Центра. Последние три имени нам ничего не говорят. Но о своеобразной фигуре казачьего «генерала» Коконова имеются красочные бытовые данные в присланном нам протоколе специального «общего собрания казаков в лагере Шлезгейме», на котором в присутствии более 200 человек пуб-

лично было произведено обследование доблести этого «самозванного» казака, прославившегося в свое время уничтожением казаков «целыми станицами». Большевицкий усмиритель затем оказался лихим начальником казачьей дивизии, действовавшей у немцев, а по окончании войны вербовщиком «впавших в нищету» казаков для Турции и опекуном нужд невозвращенцев. Колоритный материал о растрате пожертвованных казакам продуктов, кутежах за счет собранных денег и о других преступных махинациях — сам просится как бы на страницы уголовного авантюрного романа. И такой тип был официальным заместителем в «Союзе Андреевского Флага» ген. Глазенапа! Нечто почти кощунственное с точки зрения военных традиций!

Закончена ли эта позорная страница «антибольшевицкой» борьбы с исключением из АЦОДНР неподходящего «руководства» САФ-а и с осуждением Центром «порочных методов» в развертывании массовых военных организаций, задачи которых смешивались с «задачами разведки»? Отнюдь нет. В последнем «приказе» ген. Глазенапа объявлено, что «САФ вышел из состава АЦОДНР по причине недоверия к Центру. Исп. Коллегии такового». Мюнхенские легитимисты поспешили приветствовать составленный «наконец» в «решительном тоне приказ, который ставит САФ, как организацию военную, в независимое положение от каких-либо случайных политических группировок». Им, очевидно, очень нравится, что политическое возглавление перейдет теперь в руки «державников». Как будто бы все-таки несколько зазорно для идейных монархистов управляться не слишком умудренными в политической азбуке танцорами, плясавшими в Париже по дудке гестапистов и перевоплотившимися неожиданно ныне в «магистров экономических наук»!... В цитируемых документах, вышедших из недр «Верх. Пол. Органа», определенно говорится, что ген. Глазенап «по соображениям политическим и тактическим» не годится в «критический момент» на роль «главы российских освободительных вооруженных сил», а казачий ген. Духопельников, горячо защищавший «авантюриста низшего пошиба» в упомянутом казачьем собрании (протокол, подписанный ат. станицы, характерно добавлял: «в нетрезвом виде»), ныне в «открытом письме к российской эмигрантской общественности», напечатанном в № 98 монархического органа (ред. Чухнова), распинается за ген. Глазенапа во имя традиций «белой борьбы» под знаменем ген. Корнилова, Алексеева и Деникина, — он то, Глазенап, «осуждавший политику немцев в отношении России, сумеет вывести нас из трудного положения сегодняшнего дня и повести по пути чести и славы нашей горячо любимой родины».

«Глазенаповщина» — по другому трудно назвать то, что происходит в некоторых русских кругах американской оккупационной зоны в Германии, таким образом превращается в реакционно-монархическую акцию. Хорошо, что карты во время раскрыты. Быть может, это будет теперь содействовать большей четкости «программы борьбы» и содействия «освободительной революции России», о которой упоминает официальное оповещение АЦОДНР — «революция», действительно, может развиваться в результате «внешнего толчка». Разумно говорит документ о «вредных проектах организации чисто-военных соединений» без наличия определенных и удовлетворительных политических условий развертывания Осв. Дв.». Разумны и поставленные цели разъяснения перед западным миром подлинных задач Осв. Движения. Но разъяснить можно только одновременно беспощадной борьбой с злокачественными наростами псевдо-революционного активизма. Будем надеяться, что единодушное осуждение общеэмигрантским общественным мнением «глазенаповщины» покажет и оккупационным властям, что поддержка ими хоть косвенно политической авантюры может лишь дискредитировать и погубить реальную борьбу с большевизмом, в которой все — и американцы и мы — одинаково заинтересованы.

С. М.

ПРОБЛЕМА ДНЯ

(Современная переписка из двух углов)

1. ИЗ ПИСЕМ РЕДАКТОРУ

Хочу ответить на Ваш вопрос о моих настроениях. Хочу рассказать прежде всего одну маленькую историю. Пришел ко мне недавно один знакомый и, разумеется, мы стали делать с ним тур по горизонту. Через десять минут мой знакомый воскликнул: «Ну, что вы все об экономике толкуете, как это скучно». Я замолчал, а он продолжал говорить. Поведал мне, что его жене с большими трудностями удалось наладить связи с одной фермой, которая им посылает масло. «И что вы думаете, в последнюю посылку из двух кило половина была украдена». Потом он с грустью рассказал, что их простыни до такой степени износились, что превратились в клочки, а купить новых нет средств. Затем я узнал от него, что он уже более пяти лет не покупает ни одной книги. «Хожу, говорит, по книжным магазинам, вижу интересные новинки и ничего купить не могу: так дороги книги. В результате несомненно от всего отстаю и дисквалифицируюсь». Потом он перешел к теме о жилищном кризисе в Париже и заявил, что лично для него будет катастрофой, если квартирная плата, как о том уже говорят, будет увеличена в четыре раза. Наконец я узнал от него, что к эксперименту Блюма и всей кампании за снижение цен он относится весьма скептически. «Многие фабриканты и торговцы сначала повысят цены, а потом с них сбросят 5%».

Пока он говорил — я молчал, но в конце-концов расхохотался. «Вот уже полчаса, говорю ему, копируете героя Мольера, говорившего прозой, не зная, что это проза. Так и вы с увлечением говорите об **экономике**, только о ней, очевидно не догадываясь, что рассуждаете на экономические темы, разговор который вы, как скучный, хотели бы изгнать».

Теперь весь мир только и делает, что говорит об экономике. Весь мир уперся в нее головою, животом, ногами. В разоренной Европе (Германии, Австрии, Италии, Польше, Румынии, Греции, Болгарии, Югославии), так же как в Индии, Китае, Японии сотни миллионов людей мечтают о дополнительном кусочке хлеба. А в других странах, неголодающих (к ним я отношу и Францию) сотни миллионов людей настойчиво требуют, чтобы их заработки были выше, пища и одежда лучше, жилища комфортабельнее, чтобы социальное законодательство было так широко, что покрыло бы все риски жизни. Никогда еще, продолжая это повторять, с сотворения мира такая масса людей не жаждала такой массы вещей. Это эпоха масс и инфляции их потребностей, их желаний. Это производит давление на все прежние формы социального бытия и взрывает их. Это мировая революция, которая растянется на десятилетия. Не скоро еще кристаллизуются новые формы национальной и интернациональной жизни, способные на базе новой экономики (крайне повышенного уровня!) удовлетворить материальные потребности сотен миллионов новых людей, хлынувших теперь на авансцену истории. Еще раз убивая себя войной или избегая ее, человечество толкается к постановке громадных, острых экономических проблем, к постепенному по частям переустройству всей мировой экономики. Мир уперся в экономику, как никогда до сих пор, и экономика стала невероятно сложной, головоломной проблемой. И если унаследованная от 19 века парламентарная демократия, там где она существует, обнаружит себя бессильной в решении этих проблем, на ее место придет диктатура. Совсем не потому, что дик-

татура знает, как решить эти проблемы, а демократия не знает. А потому, что эту диктатуру выносят вверх **сами** народные пролетарские массы, которые абсолютно неспособны (их винить в том нельзя!) разобратся в невероятной сложности экономики, верят, что у коммунистов (или фашистов) есть знание всех «загадок мироздания».

Вот около какого пункта все время и на разных лады вертится мысль моя.

11 февраля

* * *

На моей тезе настаиваю. Современную диктатуру порождают неосознательные, конвульсивные, толкаемые чувством, а не разумом, движения народных масс, главным образом рабочих. В этой обстановке появился Ленин. (за ним Сталин), Гитлер, Муссолини, Франко. Низовая демократия выносит вверх диктаторов, а потом, ибо в **анархии и беспорядке долго жить нельзя**, диктаторы эту демократию скручивают и заставляют работать. Поскольку ставится вопрос о свободе, то угроза ей ныне идет не «справа», а «слева», со стороны тех сил, которые до сих пор почитались ее пламенными защитниками. В этом одна из **трагических оригинальностей** положения. Демократия погибает от неумения решить экономические вопросы и от хаоса, который плодится бессознательными актами, движениями самой демократии, абсолютно не ощущающей (где там говорить о знании!), что можно и чего нельзя. Возьмите Англию. В ней положение с углем катастрофично. Страна освещается свечами, их на долго не хватит. Угольная индустрия была национализирована и что же? По «теории» продукция должна была увеличиться, а она пала! Нужно иметь мужество смотреть фактам в лицо. А если опыт построения демократического социализма в Англии провалится, по всей Европе возрастет мысль о необходимости строить социализм **другим** — московским — способом. Что же касается решения диктаторами экономических вопросов, то в них они могут экспериментировать, как хотят. Для них человек — козлой — кролик. Экспериментируя с ним — они могут найти такие решения сложных экономических проблем, которые и в голову не могут прийти «демократу».

18 февраля 47 г.

2. КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ

Напечатанные в выдержках с разрешения автора письма принадлежат перу известного русского публициста и экономиста и уже по тому заслуживают внимания. Они касаются, кроме того, одной из самых жгучих современных политических тем — «инфляции потребностей» в обстановке восхождения на авансцену истории народных низов.

Только в связи с современным восхождением масс — с «развернувшейся на десятки лет мировой революцией» — вечная забота человека о хлебе приобрела особый, трагический, смысл и создала парадоксальный, на первый взгляд, факт угрозы свободе не справа, а **слева**, со стороны политических групп, доселе почитавшихся столпами свободы.

Пессимистический вывод, который автор делает из этого — увы, неоспоримого! — факта, кажется, однако, нам недостаточно обоснованным.

Если допустить даже, что современная «парламентская демократия» показала себя неспособной вывести европейское человечество из хозяйственных тупиков (чего мы, конечно, не думаем), почему за эту проблему должна приняться, на место нее, тоталитарная диктатура? Не потому, признает и автор, что она — **знает** что-то, чего не знает демократия, а потому лишь что **может** что-то, чего демократия не мо-

жет, — может, не стесняясь соображениями морали и гуманизма. «Демократический метод построения социализма не удастся — испробуем метод московский», рассуждают плененные массовизмом политики. Да, соблазн «попробовать» недавно еще, действительно, был велик, и не только в «пролетарских» кругах; военные успехи Москвы взвинчивали его до очень опасных размеров. Но кого же теперь может соблазнить еще московский эксперимент? Диктатура многое может, конечно, чего не может демократия, но в пределах возможного она все уже совершила и ничего нового, неиспробованного, предложить миру уже неспособна. Железный занавес понемногу сдает и один за другим пропускает через себя свои, вчера еще таинственные, секреты. Туман обмана и лести рассеивается. Блеск московской легенды тускнеет. Кое-где (во Франции например) коммунистические партии сильны еще в рабочей среде, но они изолированы и там от остального народа, как подчиненная иностранным влияниям сила. Судьба коммунистических партий в Европе всецело связана вообще с судьбой большевизма в России, а большевизм в России не вечен и даже, пожалуй, недолговечен. Исчезнет в России большевистский режим, и шансы фашизма, во всех его окрасках и формах, в Европе исчезнут. Политическая реакция на почве современных хозяйственных трудностей вполне возможна, конечно, даже вероятно, но поднявшиеся из политического небытия народные массы будут теперь искать себе вождей уже не по сю, а по ту сторону современных тоталитаризмов.

В связи с такой перспективой стоит и наше второе, главное возражение автору. Так ли уже исключительно в экономикку упирается наша, пропитанная трагедией современность? Прав ли был автор, осмеяв собеседника, пытавшегося перевести разговор на другие сюжеты? Да, «мировая революция» (восхождение масс) грозит хозяйственной жизни Европы, но и самой хозяйственной жизни оно грозит не прямо, а **через нечто другое**. В наши дни — быть может не в наши только, но в наши особенно — знаменитую аксиому марксизма о политике-надстройке над экономикой приходится читать скорее обратно: «надстройкой» кажется не политика, а экономика. Душа экономики — **выгода**, а все почти, что творится современными государствами (и тоталитарными, и демократическими), явно всем им невыгодно.

Кому, какому народу, выгодно вместо хлеба и масла получать авионы и пушки, вместо свободного общения с другими народами думать о морских базах и прочности своих границ, ухлопывая миллиарды на усовершенствование военных машин? А современные государства более всего озабочены именно этим — невыгодным. Если демократии оказываются бессильными перед хозяйственными проблемами, то вовсе не потому, что проблемы эти, сами по себе, так уж головоломны, а потому, что их «до невероятности» осложняет политика. Если во что-нибудь, то именно в политику «уперся» наш мир. Знания для разрешения современных экономических проблем у демократии хватило бы; кофе (кофе беру на удачу, как символ) демократия сумела бы, куда нужно, доставить и кому надо распределить. Перед лицом современной, производственной и транспортной, техники «инфляция потребностей» не страшна и может совершенно безболезненно еще расти. Но вот на авансцену поднимаются движимые темными инстинктами массы, и вся картина меняется. На первый план выступает борьба с тоталитарными государствами и тоталитарщиной, вступающей внутри самих демократий. Не хозяйственные системы вступают в конфликт: идет борьба идеологий, мироощущений, культур. Вот во что, в конечном счете, уперся мир. Яд всякого рода «изоляционизма», политического в первую голову, проник во все его поры. Чем угодно поступится современное государство — благосостоянием населения, прочной валютой, дешевой жизнью, какими угодно другими благами, — не поступится только своей «самоистинностью»,

правом на «самоопределение вплоть до отделения», т. е. до выхода, в любой момент, из любой «лиги наций», игнорирования любого международного договора во имя своих «суверенных» прав. Существует ли над законами и правительствами современных государств чей-то высший, — ...мировой — авторитет? Считать ли малейшее ограничение местных суверенитетов в пользу общего «недопустимым вмешательством во внутренние дела»? Вот современное «быть или не быть» европейской культуры, ключ к решению всех проблем, хозяйственных в том числе.

Но и не в политику только уперся мир. Катастрофы последних десятилетий — не материально только разорили общежитие человека. Ему нанесены и духовные раны. Как их лечить?

Как лечить, в частности, нашу, российскую, душу, униженную новым, тридцатилетним уже, «татарским игом»? Есть признаки, что исцеление началось.

Капитан красной армии, уроженец и питомец пролетарской среды, с глубоким трепетом, с глазами полными слез, внимающий древним словам православной панихиды («Исповедь» Корякова) — над этим стоит задуматься. К проблемам **этого** рода недавним идолам и укротителям свирепым «восшедших на авансцену» масс вход закрыт. В **этом** звать на «московский путь» никому не придет, разумеется, в голову. **Это** лежит перед демократией — ареной свободного человека.

Есть у демократии и свои, внутренние, проблемы: тот же, порожденный «инфляцией масс», смертоносный микроб, и оттуда же (снизу и слева), проникает и в нее самое.

Бесконечно сложны все эти, и внешние, и внутренние, проблемы, но ясно одно: **все они лежат перед демократией и только перед ней.** Ей, и **только ей**, принадлежит будущее европейского человечества, если будущее у него еще есть.

Ив. Херасков.

Исповедь доктора Пелюхина *)

В Соловецком концлагере, в Кремле, на самом острове Соловки, в роте № 10, которая именовалась ротой Санитарной части, одна камера предназначалась для врачей. Будучи врачом и я находился в этой камере. Кроме меня в ней находились: профессор доктор М. А. Жижиленко (тайный епископ), доктор барон К. и доктор П.

Мы все четверо были верующими церковно-православными людьми и это обстоятельство нас очень утешало и морально поддерживало в тяжкие минуты, которых было так много... Но однажды, осенью, к нам в камеру поместили нового, пятого, компаньона, новоприбывшего в концлагерь врача по фамилии Пелюхин.

При первом же знакомстве выяснилось, что новый коллега был духовно совершенно чуждым нам человеком. Это был молодой, типично советский хирург, только что окончивший медицинский факультет на юге России, бывший комсомолец и даже кандидат в члены партии. Сослан он был в Соловки по чисто уголовному делу — за взяточничество. Пелюхин был не только совершенный атеист, но, в прошлом, еще и активный член «Союза безбожников», в чем он нам сам чисто-сердечно признался в первом же разговоре. Владыка Максим (проф.

*) Отрывок воспоминаний проф. И. С. был напечатан в сб. «За Свободу России» (Допросы в тюрьмах НКВД). Этот отрывок заслуживает особого внимания, ибо впервые повествует о кошмарном явлении большевистского садизма, выходящем за пределы человеческого понимания. **Ред.**

Жижиленко) перебил его рассказ и сказал: «Во избежание недоразумений, я должен вам сказать, молодой человек, что я не только не безбожник, но даже епископ православной церкви и сижу в концлагере за свои религиозные убеждения!».

— «Как же так вы, профессор, врач, естественник, интеллигентный человек — и вдруг верите в Бога?» — наивно удивился Пелюхин. — «Да, именно потому, что я достаточно образованный в естественных науках и потому, что я интеллигентный человек — я и не смог стать безбожником» — несколько подчеркнуто ответил владыка Максим.

Барон К., старый морской врач, также сказал: «Я тоже должен вас предупредить, что я — верующий человек».

— «И я православный», — сказал доктор П.

— «А вы?» — обратился Пелюхин ко мне.

— «Я тоже церковный православный человек»...

Разговор замаялся. Мы чувствовали, что в нашу дружную семью вошел чужой.

Поздно вечером к владыке Максиму пришел другой архиерей, владыка Виктор, работавший бухгалтером на канатной фабрике. Владыка Максим взял его под руку и вышел на улицу, боясь вести откровенные разговоры в присутствии нового «товарища».

Сначала мы все были очень огорчены и встревожены появлением в нашей среде «инородного тела», но через короткое время наши тревоги и огорчения несколько сгладились. Доктор Пелюхин оказался не плохим товарищем по каторге.

«Вы разрешите и мне вас называть «владыка», конечно, только в нашей камере, а не на работе?» — спросил он профессора Жижиленко через несколько дней, заметив, что мы трое врачей так обращались к епископу.

Когда мы утром и вечером молились перед маленькими бумажными иконками, повешенными над нашими койками и закрытыми в течение дня полотенцами, — доктор Пелюхин тактично отворачивался и читал какую-нибудь книгу. Перед сном он неизменно, первый, говорил нам «спокойной ночи».

Пелюхин был назначен ординатором в то отделение, которым заведывал д-р П., почтенный врач с 15-летним стажем. Во время освидетельствования новоприбывшего этапа новых заключенных Пелюхин вел себя довольно грубо, покрикивал на тех, кто заявлял себя больным, иногда в раздражении ударял их нерезко стетоскопом, с восклицанием: «Симулянт! Притворяется! Ты здоров, как бык!».

Нас, остальных врачей, весьма шокировала его грубость, и барон К. однажды не вытерпел и сделал ему замечание: «Грубость и врачебная профессия — две вещи несовместимые, коллега!». «Коллега» не возражал, не обиделся и даже как будто стал сдержаннее, по крайней мере в нашем присутствии.

Через какой-нибудь месяц мы свыклись с новым товарищем по несчастью и убедились, что он совершенно безвредный человек. Пелюхин также понял, что в нашей среде ему опасаться нечего и однажды, улыбаясь, заявил нам: «Меня предупреждали, что в концлагере масса сексотов (т. е. секретных сотрудников-доносчиков), но в нашей камере их нет... Кто верит в Бога и молится — тот, по моему, не может быть доносчиком, не правда ли, владыка?» — прибавил он неожиданно. — «Да, конечно», — ответил еп. Максим, — «мы и вас заразим и вам придется изменить некоторые этические принципы, которые вы исповедывали в комсомоле!» — «Я, может быть, еще очень глуп, но я не подл!» — опять смущенно улыбаясь, искренно заявил Пелюхин.

В этот же вечер он нам рассказал свою несложную биографию, «обыкновенную историю» советского молодого человека.

Через два месяца после этого в Соловках началась жуткая полоса расстрелов заключенных. Расстреливались большей частью те, которые были подозрительны начальству, главным образом, из среды бывших офицеров. Часто страдали и духовные лица. После того, как папа Римский по газетам собрался объявить «крестовый поход» против большевиков, — пострадало много ксензов.

И вот однажды ночью Пелюхин был срочно вызван в комендатуру лагеря. Вернулся он под утро, бледный, взволнованный, молчаливый. ...«Я не имею права говорить, где я был и что я делал!» — сказал он через час, видя наши недоумевающие взгляды...

Мы поняли... И, оставшись одни, поставили точки над «и»... Как хорошо, что мы «политические», «казры», и нам не доверяют... Только врачи-уголовники приглашаются «на работу» во время расстрелов...

Пелюхин стал мрачным, замкнутым. Мы тоже избегали не только спрашивать его, но и вообще разговаривать с ним. Вызывали Пелюхина раза два в неделю, иногда чаще... Вызывали и ночью, и днем, и на рассвете... Когда он уходил — мы оставались в тяжелом, напряженном состоянии. Когда он возвращался, — мы с тревогой и душевной болью смотрели на него, нам было его жаль.

Однажды ночью Пелюхин стал стонать во сне и бормотать страдающим, умоляющим тоном: ...«не могу... Отпусти!»... Владыка Максим встал, разбудил его, дал ему выпить воды с валериановыми каплями. «Спасибо», — сказал Пелюхин и вдруг неожиданно поцеловал епископу руку. Потом внезапно истерически зарыдал, уткнулся лицом в колена владыки Максима и прерывающимся громким шопотом стал говорить. Мы все не спали и невольно слышали эту неожиданную исповедь. Да и сам Пелюхин, повидимому, не старался скрывать от нас того, что он говорил. А говорил он кошмарные вещи...

Оказывается, его вызывали не для того, чтобы констатировать смерть расстрелянных, как думали мы, а по другим причинам. Констатировать смерть вовсе не было нужно, ибо... расстрелянных засыпали землей тотчас же, несмотря на то, что некоторые еще были живы. «Я, как врач, должен был оказывать помощь, оживлять, производить искусственное дыхание, делать инъекции камфоры и т. п... Я думал сначала, что работники И.С.О. (информационно-следственного отдела) приводят в чувство тех, кого «в увлечении» довели своими пытками до бессознательного состояния», — судорожно дыша, шептал Пелюхин. — «Но сегодня я узнал другое, более страшное... Это были не пытки, т. е. не выпытывание нужных сведений, а мечь, страшная мечь уже измученным пытками и приговоренным к «высшей мере социальной защиты».

...«Помните нашего бывшего делопроизводителя санчасти? — продолжал свою исповедь Пелюхин. — «Помните, он был арестован после свидания с женой и исчез... Он был приговорен к этой «высшей мере социальной защиты»... И был повешен, а я привел его в чувство. Через неделю мне же пришлось его снова приводить в чувство, так как он был утоплен... Вчера же я уже не смог вернуть ему жизнь: он задохся в газовой камере... Я не могу жить, владыка!» — кончил свою исповедь Пелюхин... «Но я — трус, я — тряпка! Я не смогу покончить с собой!».

Владыка Максим стал ему что-то тихо-тихо говорить на ухо... «Нет... не могу... нет ничего... пусто... не могу верить... не знаю... подумаю... спасибо!» — доносился до нас отрывистый шопот Пелюхина.

Ночь кончалась. Начинался мутный, тяжелый, каторжный рассвет. Впереди — целый день работы, 12-часовой рабочий день ответственной, напряженной, нервной врачебной работы...

День тянулся бесконечно. Поздно вечером, возвратившись с работы, усталые, измученные, изможденные, мы повалились на свои койки, не снимая халатов. Но спать нам не пришлось...

«Владыко!.. Товарищи!..» — раздался сухой и прерывистый голос Пелюхина, когда мы уже собирались заснуть. — «Пожалейте меня, мальчишку, не выдавайте меня, что я рассказал вам... У меня мысли путаются... Я хотел убить вас, владыко... Но ведь слышали и другие... Я знаю: кто у Бога верует, тот не выдаст... Но вдруг... а вдруг выдадите?!.. Не выдавайте... ради... ради... Христа!.. Это, ведь, кажется, для вас самое сильное заклятие... Владыко! Я вчера руку у вас поцеловал, а сегодня — ноги поцелую... Только пощадите! Не выдавайте!..».

Мы едва успокоили несчастного!..

На другой день владыка Максим и я, оба врачи-психиатры, совещались о том, как начать **лечить** доктора Пелюхина, который явно заболел т. наз. **реактивным психозом на почве перенесенной психической травмы**.

Но лечить нам его не пришлось. На следующую ночь Пелюхин был арестован, а еще через два дня официально по всем ротам было объявлено, что он расстрелян по постановлению специальной комиссии «за жестокое обращение с заключенными». (Специальная комиссия из Москвы занималась расследованием фактов «несправедливого и жестокого отношения со стороны начальства лагеря по отношению к заключенным»).

«Доктор Пелюхин бил заключенных стетоскопом», — разъяснил нам причину расстрела начальник санитарной части.

Проф. И. С.

Жена осужденного

Вся мировая общественность знает уже о том, какое колоссальное количество жертв было принесено большевиками, чтобы удержать власть после так называемой октябрьской «социалистической» революции 17 года.

Еще никто не в состоянии установить точное количество этих жертв революции, большинство которых пало от руки палача на основании заочных осуждений т. наз. троек или особых совещаний. Погибло много людей совершенно невинных и даже искренно преданных совласти.

Но никто еще не осветил в достаточной мере вопроса о судьбе родственников осужденных. Надо, кстати, заметить, что всякий допрос в органах НКВД посвящался тщательному выявлению всех близких и дальних родственников обвиняемого, даже проживавших за границей. И горе этим родственникам, если обвиняемого осуждали. Степень их преследования зависела от степени наказания осужденного. Особым преследованиям подвергались жены осужденных, им инкриминировалось: «знала о преступлениях мужа, но не сказала», т. е. не донесла на мужа. По законам советской диалектики жена не могла не знать о контрреволюционной деятельности мужа... И за это должна была нести суровое наказание. А столь пресловутая безпризорность, откуда пополняла она свои обширные ряды? Естественно, из среды детей осужденных. Некоторые из них совершенно забывали своих родителей. Известны случаи, когда такие «перевоспитанные» совластью безпризорники обвинялись впоследствии в том, что были детьми расстрелянных белогвардейцев.

Особо тяжким преступлением для родственников осужденного являлось то обстоятельство, что они часто забывали упоминать в пресловутых советских анкетах факт осуждения их близких. Их обвиняли в том, что они это делали в целях проведения «контрреволюционной»

деятельности, притупляя бдительность начальства и партийных организаций того или иного учреждения.

Кто же честно писал в анкетах, что имел осужденного родственника, тот обрекал себя на увольнение из данного учреждения с последующей административной ссылкой в места не столь отдаленные, но сугубо тяжелые по условиям жизни.

В период одной из знаменитых чисток в одном из захолустных городов юга России, арестовывается человек, честно работавший на пользу сов. власти, не занимавший ответственного поста, совершенно аполитичный, но... к своему несчастью, принадлежавший к прослойке старой трудовой интеллигенции.

Арестовали человека и предъявили обвинение по шести статьям уголовно-процессуального кодекса. После соответствующей и длительной обработки человека **«убедили»**, что он отъявленный контрреволюционер и, «убежденного», заставили подписать обвинительное заключение, списав со счета обвинения две статьи за «добровольную» сговорчивость обвиняемого. Так как дело было шито белыми нитками, решили послать его на заключение Особого Совещания. Сказано — сделано. Но Особое Совещание, усмотрев в поданном ему деле столь явно выдуманные контрреволюционные деяния, решило в назидание потомству предать обвиняемого суду гласному.

Предстал человек перед судом гласным и, нисколько не сумняшися, заявил, что все это выдумка, и что он никогда ничего плохого сов. власти не делал. Подумали судьи и решили отправить дело на исследование, так как оказалось, что главный обвиняемый гулял еще на свободе, продолжая свою «диверсионно-террористически-шпионскую» работу без содействия членов своей — контрреволюционной организации, к числу которых принадлежал и обвиняемый.

Что такое исследование по советской юриспруденции? Это новое хождение по мукам с тем, чтобы подавить у вас остатки воли. Вы попадаете в руки того следователя, имя которого вы опорочили таким наглым заявлением на суде, и вот тут, на допросах, он отводит свою душу...

Длилось это мучительно долго, обвиняемый признавал себя снова виновным и ждал с нетерпением любого конца. Достаточно того, что человеку заявляли, что он больше на гласный суд не попадет, ему говорили, что он уже осужден, сажали в камеру смертников, имитировали сцену расстрела, затем снова сажали в карцер, лишали права закупки дополнительного пайка в тюремном ларьке и т. д., и т. д. Человека доводили до такого состояния, что он часто жалел о своем строптивом заявлении на суде.

В конце концов, в силу закрытия Особых Совещаний, после двухлетней сидки, человека выпустили, на основании одной статьи УПК. Вышел человек на свободу и думал: «Ну, теперь все кончено. Раз тебя выпустили, значит ты кристально чист»... Правда, уже перед самым выпуском из тюрьмы спросили человека в НКВД: «Ну, а что же ты намерен будешь делать, если тебя выпустят?». Подумал человек и ответил: «Буду простым чернорабочим».

Знал человек, что посидевшему в тюрьме мало-мальски ответственного поста не дадут, но он не знал еще того, что выпускается он по статье, порочащей его и на свободе. Ведь освободили человека за недостатком улик, так как нельзя же было написать — «...в виду закрытия Особых Совещаний».

Вышел человек на свободу и думал не о мести, а о том, как он будет снова честно трудиться.

Радостна была встреча с семьей. Подумали супруги и решили, что придется праздновать теперь второй день рождения на свет Божий. Сидели в семейном кругу, делились горем и радостью и вот что узнал человек о жизни своей половины за время его сидки в тюрьме.

«После твоего ареста выгнали меня со службы... как не обеспечи-

вающую коммунистического воспитания детей. Сыну в школе мальчишки прохода не давали, говоря, что твой папа троцкист (?) и белогвардейская сволочь. Затем выгнали с квартиры, а так как городишка малый, то знали почти все обитатели, что я была жена врага народа и все, боясь репрессий, отказывали даже в угле. Пришлось перебраться в сарай. Но надо было жить, кормить себя и сына. Для этого надо было работать. Как же получить эту работу, если ты жена врага народа? Не могло быть и речи о работе по специальности.

И вот после долгих мытарств какой-то добрый партиец решил уладить дело и принять меня на работу в качестве технички (на Западе это соответствует уборщице). Не знаю, то ли он надеялся на свое влияние, то ли решил, что никто знать не будет, что я у него работаю.

Обрадовалась я этой работе, думала — конец мытарствам... Но не тут то было!... После нескольких дней работы вызывают меня к директору и говорит он мне:

— Жаль мне вас, но сделать ничего не могу. НКВД возражает против того, чтобы вы работали у нас. Вот вам расчет и желаю вам всего хорошего.

Куда было теперь обратиться? И вот пошла я в НКВД и говорю:

— Вы арестовали моего мужа, который совершенно невиновен. Вы создали для меня невыносимые условия жизни. Вы не даёте мне возможности работать и кормить сына. Я заявляю вам совершенно открыто: я ненавижу вас, я ваш враг! Арестуйте меня!...

Начальник НКВД даже рот раскрыл. Подумал немного и отвечает:

— В моей долголетней практике я не встречал ничего подобного. Человек просит, чтобы его арестовали и заявляет, что он враг сов. власти. Но для нас открытые враги не страшны... Вы учительница и можете давать частные уроки. Мы этому препятствовать не будем. Что же касается вашей дальнейшей судьбы, то это будет зависеть от степени осуждения вашего супруга. Оставайтесь в городке, выезд из города вам воспрещается, работайте, как хотите и ждите суда над вашим мужем, который уже сознался в своих преступлениях!... Даю вам хороший совет — берите развод, как можно скорее, и этим вы спасёте и себя и сына. Чем скорей вы это сделаете, тем лучше.

Конечно, я не верила тому, что он мне говорил, не подозревая того, что люди могут заставить признать себя виновными в совершенных ими преступлениях. Я также отлично понимала, какой удар (моральный) они задумали нанести тебе, объявив, что жена бросила тебя. Я наотрез отказалась от его предложения — взять развод, и снова повторила, что, если мне не дадут возможности жить, то я снова явлюсь к нему и больше не выйду из НКВД. Кроме того, я заявила ему, что сумею доказать невинность мужа всеми доступными мне средствами.

После этого взяла я несколько частных уроков. Свет не без добрых людей. Многие сочувствовали и помогали, чем могли. Бывало, приду на урок, — тебя и покормят и разрешат белье постирать. Не верили люди, что мы враги народа!... Но каждый дрожал за свою судьбу и люди, относившиеся к нам до твоего ареста с полным уважением и симпатией, отворачивались при встрече и делали вид, что не знают меня. Тяжело было!

С большим трудом удалось мне отправить сына к матери, а я сама, продолжая борьбу за существование и за твоё освобождение, начала паломничать по тюрьмам и разным прокуратурам. Своим упорством я доводила их до иступления. Как правило, мне заявляли, что прокурора нет, а я ждала, ждала часами под дверьми под дождем в любой мороз. И все же добивалась встречи с прокурорами и требовала сообщить о твоей судьбе и о ходе твоего дела. Очевидно, «они» решили, что я, с моим упорством, готова на все, и что они от меня так легко

не отделаются, и что я не из трусливого десятка, который можно запугать погребками НКВД. Поэтому, мне кажется, они шли на уступки, кой-что сообщали о тебе и даже разрешили передачи в тюрьму.

Но надо сказать, что в те времена взаимоотношения между прокуратурой и органами НКВД были довольно странными. Последние сплошь и рядом не подчинялись распоряжениям прокуратуры. Придешь, бывало, в тюрьму с передачей белья, а тебе и заявляют: — Убыл в неизвестном направлении. Каково было все это пережить!... Но я им никогда не верила на слово и снова ждала и ждала, пока не удавалось выяснить, что ты еще в тюрьме. Ночевала под тюрьмой и на следующий день снова являлась с передачей.

Кончилось тем, что НКВД решило меня напугать основательно. Вызвали меня однажды в НКВД и говорят:

— Если вы не перестанете нам надоедать — мы вас посадим и вышлем.

Я заявила, что не перестану, и тогда они меня бросили в темный погреб, где я не видела даже окна с решетками и где было очень много крыс. Как долго это продолжалось — я не знаю. Помню, что я пришла в сознание в тюремной больнице. Схватила я острое воспаление легких. При моих слабых легких это что-то да значило. Полтора месяца находилась между жизнью и смертью, и решило НКВД выпустить меня, так как вторичный арест означал бы неминуемую смерть.

Но если они сломали мои физические силы, то воля моя для дальнейшей борьбы за твоё освобождение осталась не сломленной. После кратковременного отдыха я начала борьбу с еще большим ожесточением. Писала заявление за заявлением, обивала пороги прокуратур и однажды даже услышала такое выражение в прокуратуре: — Пустите ее. Все равно от нее не отделаешься.

В такой неравной борьбе долго пришлось жить. А тут вдобавок стряслось еще несчастье: умер отец. Испросила разрешение на право выезда на похороны отца. И вот не успела я прибыть в город Н., как является милиционер и заявляет, чтобы через два дня моей ноги здесь не было. Представь себе картину — папа лежит еще на столе, а меня в таком горе уже выгоняют из города. И ни с чем не считаясь, выгнали точно в срок.

За три месяца до твоего освобождения политическая атмосфера заметно разрядилась. В верхах решили, что «вычистили» слишком много людей, что пора ликвидировать и тех, кто так усердно чистил, и что надо чем-то загладить содеянное зло. И вот начались пересмотры дел. Прокуратура стала доступнее для посетителей, и я сама была свидетельницей того, как жены осужденных требовали от прокурора пересмотра дел, а тот, пожимая плечами, отвечал:

— Поздно, гражданин. Никаких данных о вашем муже я не имею и вряд ли что-либо смогу вам сообщить впоследствии.

Это означало, что г-н Х. был уже ликвидирован.

Душераздирающие сцены можно было наблюдать в ту пору. Много людей покончило с собой или лишилось рассудка, узнав о судьбе близких им людей.

Долго еще беседовали супруги, не подозревая о новых страданиях и мытарствах, которые им были predeterminedены органами НКВД. Но об этом мы поговорим в следующем письме.

N. N.

Платформа «Союза Борьбы за Свободу России» была опубликована в 13-м Сборнике («За Россию»), а комментарии к ней в № 1 «Российского Демократа».

История гибели одного города

Правда всегда постепенно выясняется. И нет ныне сомнений—виновницей многих и многих бессмысленных разрушений в России во время войны была сама большевистская власть. Примененная система обороны страны от наступающих немцев вызвала бесконечное количество ненужных человеческих жертв. Статьи в «Н. Р. Ст.», посвященные судьбе Киева (одна из статей — «Правда о разрушенном Киеве», была подписана Олегом Чехом, другая — «Как был разрушен Успенский Собор», замечательный историко-художественный памятник древней Руси, именем Кашман-Коврайского) неопровержимо доказали, что здесь действовала не немецкая, а советская рука, минировавшая город. Статьи эти появились как бы в ответ на утверждения американского романиста Стайнбека, сравнительно недавно побывавшего в СССР и выступившего в печати с серией очерков. Стайнбек повторил большевистскую версию: немцы ограбили Киево-Печерскую Лавру и уничтожили ее, дабы скрыть перед историей свое варварство.

Яркую новую иллюстрацию к дикому коммунистическому «патриотизму» дает помещаемый ниже очерк о разрушении Воронежа. Автор — прямой свидетель — подводит и некоторые итоги.

Ред.

**Любимый город может спать спокойно,
Ведь все равно его мы отстоим...**

(Из пародийной песенки 41-42 г.г.).

— Мерзавцы... Точно на тысячу лет собирались уходить!...

Так охарактеризовал разрушительную работу большевиков по созданию так называемой «зоны пустыни» во время последней войны командир моего батальона, военинженер 2-го ранга, а в прошлом научный работник одного из московских исследовательских институтов М—в.

Мы стояли у разрушенных «вчистую» железобетонных устоев моста под Воронежом.

Многие тысячи трудов дней затрачены были на это строительство. В тяжелых условиях голода и холода строили люди этот мост. Строили в зимнюю пургу, в дождь, в непогоду, стоя долгими часами по пояс в ледяной воде, проваливаясь в нее с головой, простужаясь и умирая, лишь бы выполнить фараонову волю. Строили этот мост и дамбу сотни рабочих бригад, набранных из разорившихся и сбежавших в город на новостройки крестьян-колхозников, а то и просто из горе-подкулачников и притаившихся от железной руки ГПУ, хлебнувших всякого бывших кулаков. Строили этот мост и дамбу сгоняемые на бесконечные «субботники» и «воскресники» жители города. Руководили постройкой терроризированные специалисты-инженеры, кому и наяву мерещилась страшная комната следователя, галлюцинация обвинения во вредительстве, и, кто, поэтому, спрятав глубоко человеческие чувства, «борясь за сроки», безжалостно подгонял людей, ставя их на опаснейшие места, забывая о соблюдении элементарной охраны человеческого труда и здоровья. — «Чего заботиться — все равно самим пропадать».

И страх, нужда, голод рождали очковитительство, подхалимство, ложь и главное, — труд, ужасный, остервенелый, рабский труд, пышно называемый в ежедневных сводках «необычайным трудовым энтузиазмом».

Мост и дамба были построены, действительно, в кратчайшие сроки.

Полуголодных строителей моста премировали грубошерстными мешочными костюмами и прочими «ценными» подарками, почествовали парой милостивых слов и погнали на другую работу.

Так было совсем недавно...

Но вот прогремел гром. Ударил «великая отечественная война»... Доблестные правители, хвалившиеся всегда до этого, что будут воевать только на «чужой территории» и с потерей «малой крови», совсем оплошали. Враг был впущен глубоко в пределы страны. С кинематографической быстротой отдавались города и целые области. За колейдоскопом событий скрывался до времени глубочайший трагизм народной истории. На миллионах людских трупов создавалась поспешно оборона... Город Воронеж, находившийся в тысяча двухстах километрах от границы, стал внезапно линией фронта.

В ясные теплые дни конца июня, в районе Старого Оскола-Горшечного (полтора-два километра юго-зап. Воронежа) был нанесен удар танками и самолетами противника, и началась уже «по привычке» (шел второй год войны) паника. Командиры побросали своих солдат. Солдаты побросали винтовки и пулеметы, и вся эта масса устремилась на восток. Через несколько дней противник форсировал в нескольких километрах западнее города реку Дон и приблизился робкими шагами к окрестностям. Именно «робкими шагами», так как столь быстрое продвижение (в некоторых местах немцами сто километров «проезжалось» за 7-8 часов) вызывало опасение ловушки. Ловушки же никакой не было, так как все боеспособное бежало далеко-далеко, очищая дорогу чуть ли не до Тамбова и Борисоглебска. Лавины эвакуирующихся жителей двигались, перемещиваясь с воинскими машинами и повозками, по всем шоссе и проселочным дорогам. Шли пешком, босиком, перепуганные, измученные.

И здесь сказались «мудрость» правителей города. До самого четвертого июля, когда артиллерийские выстрелы прозвучали уже ясно в ушах у всех, молчало городское начальство о грозящей опасности, тайком по ночам вывоза на авто-машинах свои семьи и барахло. Еще 1 июля, после сокрушительной воздушной бомбежки, когда среди бела дня были выбиты из строя все городские заводы и целые улицы охвачены огнем пожара, начальство из Обкома и Облисполкома заверяло о полной безопасности со стороны фронта и ликвидации возможности повторения дальнейших налетов. Одновременно их халуй и домочадцы спешно паковали чемоданы и в следующую ночь партийного и советского начальства уже не было в городе. Остались «по должности» комендант города полковник Глатоленков и поджигатели и разрушители из специальных команд НКВД и истребителей. Но все это хранилось в секрете от населения.

4-го июля ночью объявили об эвакуации. Поездом выехать было почти невозможно — станция и ближайшие полустанки беспрерывно бомбили. Вражеские самолеты безнаказанно летали над уже павшим, по существу, городом, швыряли бомбы, летали так низко, что, как рассказывают, какой-то рыжий немец-пилот кулаком даже грозился из своей кабины... Куда девались зенитки? Куда девалась защита?! Десятки тысяч обезумевших от страха людей кинулись бежать из города. Кое-кто с крепкими нервами и, выполняя давно задуманный план, спрятался в подвале, ожидая, хотя бы с помощью врага, освободиться от мрака прежней жизни. А массы, основные массы кинулись в бегство. Шли измученные, голодные, бросавшие все и вся по пыльной грунтовой дороге. Шли, бросая последнее, впопыхах захваченное из родного угла, шли, теряя близких, теряя последние силы.

Бросили правители свой народ... Не нужна им эта масса испуганных стариков, женщин и детей. В глубоком тылу сколачивают они пушечное мясо из крепких еще отцов и мужей.

Битком набиты на десятки километров вперед дороги людьми и автомашинами. Некуда податься. Упали здесь в любом месте бомба —

кровавое месиво будет кошмарно. И вражеские самолеты, хотя и пролетают над головами, но почему-то не бомбят. Затих город... Зловеща эта тишина. словно все улицы и дома полны ожиданием грядущего неизвестного. Однако, не все тихо и не все затихли. То тут, то там мелькают трусливые тени — это команды поджигателей и подрывников творят свое черное дело. Жгут и подрывают город. И жгут что? — главным образом, жилые дома. К чему? Чтобы не дать врагу места для жилья? Практика показала, что эта игра не стоит свеч. Несмотря на разрушения, на уничтожение лучшей, красивой части города, сжигание тысяч сел, враг находил себе удобное место для дислокации и ночлега, враг шел вперед. Страшная пародия на 1812 год приносила горе только гражданскому населению, русскому народу, выгоняемому потом врагом из последних лачужек и подвалов.

Но нет! — Фараон сказал, слово его — закон. И разрушение продолжается с таким усердием и старанием, точно собираются «тысячу лет не возвращаться».

Город был начисто уничтожен — на 30% немцами, на 70% своими. После, конечно, о последнем нигде не писали, сваливая всю вину с больной головы на здоровую. Фронт стал за рекой и луговой поймой у города. Семь месяцев враг сидел в городе, а потом сам ушел, боясь охвата с тыла и уничтожив последнее, что еще оставалось нетронутым.

И вот, теперь, в студёные февральские дни 1943 года нашему батальону было поручено восстановить «в кратчайший срок» речные переправы и, собираясь производить необходимые съёмки и промеры, мы стояли у разбитых устоев и, смотря на содеянное, не смог удержаться командир батальона и с сердцем отрезал: «Мерзавцы! Точно на тысячу лет уходили!».

Кончилась война... Русский народ в беспросветном труде залечивает свои раны. Масса разрушено, масса погибло... И, если честно проанализировать, взяв за основу не раболопные газеты, не лживую наглую пропаганду, а беспристрастные факты, то выводы будут парадоксальны и уничтожающи, выводы будут тяжким обвинительным актом против врага всего человечества, против большевизма.

Кто разрушил Крещатик, Успенский собор Киево-Печерской Лавры?! Неужели из-за двухсот фризов надо было жертвовать гордостью русской архитектуры, святынями древнего прошлого, жизнями тысяч мирных киевлян?! Кто разрушил Петрофские, Гатчинские, Царское-сельские дворцы?! — Кто разрушил Новгородские храмы или по крайней мере приложил кровавую бессмысленную руку к немецкой работе?! Кто разрушил тысячи жилых домов, лучшие части городов, кто жег села, хлеб, убивал скот, уничтожал народные ценности, оставляя народ на поругание врагу, оставляя его оборванным, голодным и лишенным последнего крова?! Кто подставил под бомбежку и поджог врагу все продовольственные запасы Петрограда, сосредоточив их в одном месте на складах Бадаева?!

Кто минировал, наконец, в панические октябрьские дни 41 года в Москве, Кремлевские стены, соборы, все лучшие улицы, все памятники великого русского прошлого, сотни жилых домов, собираясь уйти и так безжалостно «хлопнуть дверью», так отплатить народу за его безответственный рабский труд?!

Кто не имеет ничего святого, у кого на все это поднялась бы рука? Кто может так поступать, спасая свою шкуру в животном страхе?!... Тупые и темные дикари.

Ст.-Лейт. Орлов.

В настоящее время все партийные различия, все частные желания должны ступаться перед одной великой задачей... перед обузданием деспотии.
«Нар. Воля» 1881 г.

Большевицкая пропаганда

Колоссальные заботы партии большевиков в деле воспитания масс прежде всего предусматривают создание в человеке такого мировоззрения, которое бы обеспечивало большевизму реализацию любых его планов, не подвергая их критике, сомнению, размышлению или невозможности их выполнения.

Основным первоисточником коммунистического воспитания советского общества является школа. Советский учитель, — это прежде всего пропагандист, проводник идей монопольного коммунистического мировоззрения.

Большевицкая идеология не терпит свободного разума и не может жить там, где присутствует он.

«Мы должны все время убеждать и все время подавлять» (Ленин). В этой формуле заложена глубокая сущность большевизма, ибо совкоммунизм только и живет за счет непрерывного процесса подавления и насильственного убеждения.

«Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике... Идеи коммунистического мировоззрения должны прививаться молодежи и школьной обстановке, вне классных занятий, дома... Обучение и воспитание молодого поколения есть общее партийное дело и важная политическая задача». Вот как смотрит и какие дает директивы ЦК ВКП(б) на воспитательную проблему молодежи. В советской высшей школе пропагандное образование превалирует над всеми другими и, если неподготовленность или неразвитость студента, носящего партийный билет в кармане, будет профессором отмечена, то такого профессора скоро призовут к порядку, предъявят ему «контрреволюционный саботаж», направленный на срыв подготовки большевицких кадров, советской интеллигенции, и не один «аполитичный» профессор дорого заплатил за отсутствие у себя навыков «коммунистической нравственности».

Если к советской школе предъявляются не чисто учебные, а прежде всего политические требования, то к советскому театру они предъявляются еще в большей мере, не как к независимому и свободному от каких-либо рамок художественному искусству, а прежде всего, как к одному из отделов партийной пропаганды. «Театральное искусство не может быть безразлично к советской политике... Советский театр пойдет и дальше своим советским путем... будет носителем политических идей... выполнять задачи по воспитанию народа в духе благородных идей Ленина-Сталина» (ЦК ВКП(б)). Советский театр является прежде всего агитационно-пропагандистским инструментом в руках правящей клики и никакая творческая инициатива, никакие новые художественные приемы не могут быть допущены без партийного благословения. Последнее постановление ЦК о репертуаре советских театров указывает на недопустимость постановки пьес западных драматургов, безразличных к советской политике и прививающих вкус к частнособственническим инстинктам. Разве партия может терпеть такие пьесы, в которых жизнь зарубежного народа — «рабов капитализма» — не идет ни в какое сравнение с нищенским существованием «свободных и счастливых граждан страны социализма». Если скромные попытки театра показать натуральную советскую действительность все кончились печальным крахом, то не лучше обстоит дело и с советским кино. Кино в большевицком арсенале пропаганды занимает одно из первых мест. «Кино обращается к миллионам трудящихся и активно воздействует на них, утверждая в сознании народа великие идеалы социализма» (ЦК ВКП(б)). В кино, как и в

театре, пытаются иногда спуститься с высокопарного, заоблачного полета советской агитки на бrenную землю и заснять, хоть краем киноглаза, действительность. Получается настолько правдиво, что в самом непродолжительном времени карающая рука большевицкой диктатуры протягивается охладить разгоряченные головы кинорежиссеров вентиляции, — всем хорошо известным в стране «отверстием в затылке».

ЦК ВКП(б) напоминает, что «у советского киноискусства нет и не может быть других интересов, кроме задач воспитания народа в духе великих идей Ленина-Сталина».

Советский фильм «Большая жизнь» правдиво изобразил послевоенный период восстановления Донбасса, где все работы ведутся грубым ручным способом, на основе устарелой техники и консервативных методов. Постановлением ЦК фильм изъят с проката, как не соответствующий целям советской пропаганды.

Режиссер заснял жизнь так, как она есть, ибо, не только после войны, но и до войны, грубый ручной подневольный труд был основой всякой советской стройки. Разве страна не знает, как строились каналы Большой Ферганский им. Сталина, Маньчжеский, Невинномысский и десятки других, куда, как на постройку пирамид, сгонялись колхозные рабы и лопатами рыли сотни километров каналов, находясь в варварски-скотских условиях жизни. Разве не знает страна, как строятся советские заводы, шахты, дороги и пр.? Жизнь в землянках, грязь, вши, голод и болезни — вот обязательный спутник всех советских построек, не говоря уже о всех постройках, проводимых лагерями НКВД, где каждые десять кубометров вынудой земли обходятся одной человеческой жизнью?

Разве не знает страна своих партийных начальников, так правдиво изображенных в «Большой жизни», являющихся в большинстве своем карьеристами, которым партийный билет служит «путевкой в жизнь». Назначаемые партией на посты, это живые истуканы, возглавляющие все отрасли производства и выполняющие в них роль кнута. От них партия не требует ни знаний, ни образования, ни честности. Эти люди, подчас с уголовным прошлым, облечены всем доверием партии и являются слепыми проводниками ее директив.

Известный в стране советов режиссер Эйзенштейн в фильме «Иван Грозный» обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов» («Правда»):

Подобные исторические прогулки могут зайти так далеко, что представят пожалуй, и прогрессивное войско НКВД, как кровавую шайку убийц, уничтожающую беспрепятственно своих явных и скрытых противников.

Советская пропаганда допускает иногда и не искаженные исторические картины, в целях идеализации через них настоящего. Фильм «Петр I» допущен в правдивом изображении: царь, великий преобразователь России, не останавливается перед беспощадной ломкой патриархальной старины с тем, чтобы вывести страну на путь просвещения и культуры. Фильм явно символизирует в Петре I — Сталина, который тоже делает грубую ломку старой жизни, чтобы заменить ее лучшей.

Подтасовка и неумелая игра сравнениями тут явная; эпоха Петра была периодом монархического абсолютизма, а Сталина правит в эпоху демократизма. Произвол Петра для его времени не был чем-то необычным, и в результате, ощутимые для народа улучшения жизни. Произвол современного владыки настолько дик и тираничен, что отбрасывает нас в далекую за петровскую даль. «Работники искусства должны понять, что те из них, кто и впредь будут безответственно и легкомысленно относиться к своему делу, легко могут оказаться за бортом передового советского искусства и выйти в тираж...» («Прав-

да»). Простаки и поверившие с артистическую демкоратизацию большевизма жестоко платятся за это по всему фронту.

Не оставляет своим вниманием ЦК и советскую литературу, отмечая что «писатели, вооруженные учением Леинна-Сталина, должны в своих произведениях разоблачать природу капиталистического окружения, борются с его разлагающим влиянием, разъясняют характер современного империализма, таящего в себе угрозу новых кровопролитных войн».

Советский писатель, — это прежде всего чиновник пропагандного ведомства, обязанный строго выполнять его производственные заказы. Все, кто стремятся к литературной самостоятельности, независимости суждения и объективности, являются «представителями враждебной литературы». Зощенко в своем остроумном произведении «Приключение обезьяны» решился на великий подвиг обличить морально-разлагающееся советское общество. Автор резюмирует, что «в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышется, чем среди советских людей». И Зощенко прав: это не клевета на советских людей, а обличение тех, кто привил и сознательно культивировал звериные инстинкты у подневольных людей, кто путем планомерного грабежа, кровавого террора, невиданной эксплуатации и создания рабских социальных условий возвращает людей к полу первобытному состоянию, к жизни по принципу «человек человеку — волк».

В унисон Зощенко разве не обличала советскую жизнь пародия Хазина «Возвращение Онегина», где хамство, дикая грубость и воровство переплелись в одном неразлучном клубке, именуемом советским бытом. Разве подымется у кого перо или повернется язык обвинять народы России в недостаточном перерождении.

Только большевизм мог бы принять на себя тягчайшее обвинение в перерождении великой души русского человека. Да он этого и не отрицает: «Мы уже не те русские, какими были до 1917 г., и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот»... (Жданов*).

Послевоенная передышка требует мобилизации не только материальных сил, но и духовных. Идеологическая подготовка человеческих масс к «разрушению окружающего капиталистического мира» вступает в решающую фазу. В момент наступающего «быть или не быть» «самобичевание» Зощенко, «безыдейность» Ахматовой, «халтурная бессодержательность» Гладкова, «аполитичность» Пастернака и пр. клеймится решительно и отбрасываются официальной пропагандой, как непригодное. Советской пропаганде нужен не свободный писатель-художник, а партийный писатель-пропагандист, в соответствии с Ленинским принципом «Литература должна стать партийной», «Долой литераторов беспартийных! Долой литератора сверх-человека!» (Ленин). И эти положения большевизм трактует, как «важнейший вклад Ленина в науку о литературе»!

Большевизм напрягает усилие на укрепление своих слабых мест, — расшатанных войной, во время которой советская идеология потерпела громадный урон. Страну спасали не большевицкими идеями, не коммунистическими лозунгами, спасали не завоеваниями большевизма, а патристическими знаменами и, к великому посрамлению большевизма — по неволе восстановленной — церковь.

Война выиграна национальным чувством и силой Русского народа и как большевизм ни бахвалится теперь, что он де переродил русский народ, нельзя отрицать, что во время войны он начал с перелугу лизать «грязь мусорной ямы истории», прославлять великие традиции времен Александра Невского, Суворова и Кутузова.

Большевизм в борьбе с фашистской интервенцией был разгромлен в первые же годы войны. И только раскрывшиеся планы и намерения врага, угроза потери национальной независимости русского народа, за-

*) К счастью этого «перерождения» не произошло. Ред.

ставили его единодушно подняться на врага и нанести ему смертельный удар. Русский народ спасал Родину, а не большевизм, не коммунистическую диктатуру, как не спасал он в 1812 г. царский деспотизм и крепостное рабство. Патриотизм Русского народа не советский патриотизм, вскормленный ложью большевицкого интернационала. Русский патриотизм — это материальное и духовное богатство, накопленное веками нашей истории, начиная с самого появления нашего государства. Национализм русского народа это — крещение Руси. Не случайно большевизм стремится вписать свое имя в золотые скрижали русского патриотизма: ему нужно и это святое святых народа использовать в своих целях завоевания мирового господства.

«Буржуазному миру не нравятся наши успехи... Вопрос о социализме поставлен в порядке дня во многих странах Европы... они боятся нашей социалистической страны, которая является образцом для всего передового человечества» (Жданов). Агитатор не ошибся: «демократический мир боится таких «образцов», где непревзойденными являются: кровавая диктатура, нищета, перманентный голод, моральное разложение, эксплуатация. Таких «образцов» мир не только должен бояться, как боится чумы, холеры и других бичей человечества, но должен их беспощадно искоренять и пресекать.

Перед глазами человечества, все яснее вскрывается картина, закрытая большевицким непроницаемым занавесом. Мир уже знает, что большевизм вооруженной силой и террором насаждает «социализм», прикрываящий подлинное лицо большевицкого диктатора и его клики.

В подготовляемых большевизмом грядущих событиях, ему не удастся во второй раз использовать патриотические чувства русского народа и заставить его идти на смерть за себя, с крестом и национальными знаменами. Народ без колебаний протянет руку своим подлинным освободителям, предоставив большевикам погибать самим за мировую гегемонию Сталина, так называемую «Мировую революцию».

Вл. Романовский (н. э.).

Целостное мировоззрение и животные России

Во время Нэпа российское крестьянство восстановило сельское хозяйство так быстро, что к 1928 г. на очередь стал вопрос о несовместимости дальнейшего сосуществования обобщественного, промышленного и частнохозяйственного, аграрного сектора.

Российский крестьянин блистательно опроверг издавна укоренившуюся в русском обществе и поддерживаемую также и большевиками басню о его хозяйственной косности. Без всякой помощи государства, целиком предоставленный самому себе, российский крестьянин не только быстро восстановил сельское хозяйство, но и поднял его продукцию на такую высоту, что на очередь встал вопрос уже о технической и культурной реконструкции сельского хозяйства в целом, а тем самым и отсталой российской промышленности.

Успех крестьянского нэпа и созревшая в нем возможность повышения товарности сельского промысла выдвигали прежде всего вопрос об укреплении крестьянских трудовых хозяйств, что неизбежно требовало дальнейшей денационализации промышленных предприятий.

Такое взаимосплетение хозяйственных проблем страны требовало от советского правительства совершения нового принципиального шага на путях расширения политики нэпа, т. е. раскрепощения новых отраслей народного хозяйства. Влиятельный в то время орган «Экономическая жизнь», открыто ставил вопрос о легализации загнанных в под-

полье внутренних капиталов с целью использования их для нужд народного хозяйства.

Таковы были созревшие требования жизни...

Но советское правительство оказалось глухо к ним. Оно понимало, что дальнейшее расширение нэпа ставило не только вопрос о несоответствии между свободным крестьянским хозяйством и косным обобщественным промышленным сектором, но выдвигало также и более острую проблему о несоответствии между природой советской власти и дальнейшим хозяйственным прогрессом страны.

Было до очевидности ясно, что жизнь ломала доктрину. Но тем хуже это оказалось для жизни. Коммунисты, люди целостного мировоззрения, владеющие тайной «истиной» идеи, не могли отказаться от своей «истины» и не имели моральной силы пойти навстречу требованиям жизни.

На партийной конференции 1929 г. Сталин говорил так: «Возможно ли удержать советскую власть и социалистическое строительство на двух различных основаниях?... Нет, это невозможно. Это должно окончиться полной народохозяйственной катастрофой. В чем же выход? Выход в том, чтобы перестроить сельское хозяйство, переходя к более **укрупненным хозяйствам**».

Казалось, что даже человек, опутанный «целостным» мировоззрением, прозрел и был умудрен жизнью. Но это только казалось. Раскрывая свой коммунистический талмуд, Сталин нашел там другой ответ: «Но есть другой выход, социалистический выход, который состоит в коллективизации и развитии совхозов, выход, который ведет к объединению крестьянских хозяйств в большие хозяйства, способные вооружаться наукой и техникой при одновременном устранении капиталистических элементов в стране». В результате доктрина торжествует над требованиями жизни, и проводится политика коллективизации.

Восставали крестьяне, застонали и до сих пор стонут российские поля, почва сопротивляется нелепому насилию над нею и требует возвращения на землю любящего ее хозяина. Все это нашло свое отражение в политической борьбе и хозяйственной жизни СССР, и все это хорошо известно. Но совсем по особому произошла встреча между мировоззренческой коммунистической политикой и... животными России. Нигде бессилие доктрины перед живой действительностью не обнаружилось в таких безысходно драматических формах, как в российском животноводстве.

Животных нельзя перевоспитать или запугать, как людей. Вместе с тем, нуждами животных труднее пренебречь, чем стопами почвы, так как такое пренебрежение животные отвечают массовой гибелью. В результате вот что случилось с российским животноводством после коллективизации:

Т а б л и ц а № 1.

Животноводство в милл. голов в УССР

	лошади	рог. скот	овцы	свиньи
1912	5,6	6,5	6,2	4,2
1916	5,5	7,7	6,4	4,6
1928	5,5	8,6	8,1	7,0
1933	2,6	4,4	2,1	2,1
1938	2,9	7,8	2,4	7,7

Из таблицы видно, что во время первой мировой войны поголовье скота повысилось по сравнению с довоенным уровнем. Русская крестьянка, на которую тогда пала вся ответственность хозяйствования, успешно справилась с хозяйственными проблемами военного времени, и не вина деревни, что Петроград оказался без мяса.

Еще более показательны цифры за 1928 г. Крестьянство без всякой помощи государства и промышленности одним только чудом личного творческого напряжения восстановило, а потом и повысило при нэпе поголовье рогатого скота на целых 32,3 проц., овец на 30,6 проц. и свиней на 66,7 проц. по сравнению с довоенным уровнем царского времени. И это в течение всего шести лет и непосредственно вслед за пятью пережитыми катастрофами: войной, периодом военного коммунизма, немецкой оккупацией Украины, гражданской войной и голодом 1921 г.

Между тем коммунисты, после десяти лет коллективизации при огромных капиталовложениях, внедрении «передовой» техники, обширной научной и зоотехнической помощи государства, к 1939 г. доводят число лошадей до уровня 1933 г., т. е. вдвое меньшего, чем до первой мировой войны и времени нэпа. Число овец тоже осталось на уровне 1933 г., т. е. оказалось к 1939 г. в три раза меньше довоенного времени и почти в четыре раза меньше, чем при нэпе. Но с другой стороны, поголовье рогатого скота к 1939 году значительно увеличилось, дойдя до уровня царского времени, хотя и оставалось ниже, чем при нэпе, а количество свиней значительно выше, чем в царской России, и на 10 проц. выше, чем при нэпе. Если закрыть глаза на повышение количества населения, мы можем сказать, что коневодство и овцеводство в СССР встречаются с большими трудностями, тогда как хозяйство рогатого скота и свиноводства, хотя и недостаточно, по сравнению с царской Россией и нэпом, но все же идет вперед.

Почему же в советском хозяйстве лошади и овцы гибнут, а рогатый скот и свиньи размножаются? Как будто, выходит, что коллективистическое хозяйство советское все же как-то разрешает проблему животноводства и, может быть, справится в конце концов и с проблемами овцеводства и коневодства? Ответ на это дает таблица 2.

Т а б л и ц а № 2.

Животноводство УССР и Крыма в 1938 г. в процентах по разным категориям хозяйств:

Категории хозяйств	лошади	овцы	рог. скот	свиньи
Совхозы и гос. коопер.	13,19	15,98	7,02	9,17
Колхозы и общ. скот	83,15	46,84	23,97	24,80
Частный скот колхозников ..	0,19	28,71	56,04	51,23
Единоличники	1,52	0,78	0,60	1,22
Рабочие, служащие и др.	1,02	3,33	9,73	8,00
Частные владельцы в городах	0,93	4,36	2,64	5,58

Т. о., почти 97 проц. лошадей и 2/3 овец находится в социалистическом секторе, и не потому ли их поголовье в таком упадке? Почти 70 проц. рогатого скота и 66 проц. свиней находится в частно-хозяйственном секторе. Не это ли поддерживает поголовье на высоком уровне?

Успехом животноводство обязано, т. о., исключительно частно-хозяйственному сектору, а гибель поголовья лошадей и овец и не возможность его восстановления целиком обязана сектору социалистическому.

Какое же хозяйство в действительности прогрессирует и какое регрессирует?

Безполезный вопрос... Какой бы ответ на него ни дала жизнь, все равно, в СССР будут продолжать преследовать и уничтожать «несознательных и косных» частных хозяев, «врагов» народа, и всеми мерами будут поддерживать губительные для животных и народного хозяйства России «прогрессивные» социалистические формы хозяйства. На огромных просторах России повсюду слышится протест животных, молчаливой массовой гибелью призывающих человека к простейшему

благоразумию. Но этот призыв, конечно, не будет услышан коммунистами. Уверенные в том, что они владеют высшей правдой истинного мировоззрения, они бессильны услышать голос жизни и неспособны последовать за ним.

Значительно хуже то, что здесь, в эмиграции, свободные русские люди зовут нас к преобразованию российской действительности после большевизма на основе других целостных мировоззрений, соблазняя нас иным, иногда обратным марксистскому коммунизму знаком своих учений.

Но дело не в знаках целостных мировоззрений, а в самой сущности вещей — в непримиримости между реальной жизнью и отвлеченной рационалистической философской доктриной.

М. Ковалев.

Научная дискуссия в тоталитарном государстве

Состоявшаяся в августе этого года в сельскохозяйственной Академии Наук дискуссия о положении в биологической науке весьма знаменательна. Что все писатели беллетристы и публицисты в СССР **обязаны** быть «лягавыми», т. е. писать только под диктовку администрации или, вернее, тайной полиции — это давным давно установлено. Что же касается ученых, особенно естественников, то здесь, казалось бы, волей неволей диктаторская власть не могла позволить себе вмешиваться в специальные области исследования и давать свои приказы и заказы. Ведь здесь каждое вмешательство требует специальной квалификации, коей у советского начальства быть не может. Действительность показала, однако, иное. Как в области искусства объявился из музыкантов музыкант, из художников художник — непогрешимый ценитель любых видов искусств — так нашелся он и для науки. Нашелся «корифей науки» (термин участников дискуссии), компетентный в любом вопросе любой науки. Смелость его не ограничена. Педология? Нет никакой педологии — и по всему СССР педологи должны были исчезнуть или перекраситься. Педология окончила существование.

Теперь «повар» изготовил еще более «острое блюдо». Какая там генетика! Нет никакой генетики. И.. слово «ген» становится одиозным. Говорить о роли **хромозом** в наследственности становится небезопасным.

На сессии Академии Наук идет «дискуссия» о том, кто прав: генетика или Мичурин? В СССР на «дискуссиях» не дискутируют. Дискуссия назначается тогда, когда вопрос уже решен бесспорно диктатором. Просто происходит «избиение младенцев». Лысенко утверждает, что Х. или У. — не мичуринец и сторонник менделизма и генетики. Х. или У, мичуринцы, а вот Лысенко не достаточно «обмичурился». В «Правде» дискуссии посвящено множество полотнищ. Однако, смысл этих разговоров был бы мало понятен уху западного ученого.

О чем, собственно, спор?

Наука генетика разрабатывается десятки лет. Накоплен громадный фактический материал. По всей земле раскинута сеть станций и лабораторий, где занимаются генетикой. Количество публикуемых работ по генетике весьма и весьма внушительно. Построены научные концепции, лежащие в основе практических мероприятий и в СССР и во всем мире. Научные концепции вообще не стоят на месте. Они изменяются, до-

полняются, перестраиваются и т. д., соответственно со вновь получаемыми фактами. Это типичнейший ход развития каждой науки.

Допустим, садовод-любитель установил новые факты — скажем, факт вегетативных гибридизаций у фруктовых растений. Ясно, что всякий новый факт должен увязываться с тем, что добыто раньше и может быть должно повлиять на прежние концепции. Все это всегда делается во всякой науке и без всяких сессий и дискуссий. Бывают и дискуссии при обеспечении, конечно, полного равноправия участников и свободы суждения.

Дискуссия в Академии С.-Х. Наук не такова. Шито белыми нитками, что научные доводы играют здесь роль самую несущественную. На чрезвычайно веские доводы Шмальгаузена, Алиханова, Жуковского и других по поводу значимости генов никто и не трудится отвечать — также игнорируются указания на то, что, ведь, в животноводстве то вегетативной гибридизации и быть не может: с.-х. животные бесполом путем не размножаются. Почему?

Потому, что, повторяю: вопрос уже решен. «Корифей науки» — диктатор изрек: есть генетика «буржуазная» и есть генетика мичуринская, советская. Вот эту советскую мы и будем изучать и развивать, а буржуазной (т. е. того, что вообще все называют генетикой) — чтобы и следа не было.

Отсюда и дискуссия. Отсюда и избивание младенцев. Шутка ли? Ведь надо переделать все учебники на мичуринские, выгнать со всех кафедр генетики профессоров генетиков и заменить их мичуринцами, выбросить генетиков из лабораторий и заменить их мичуринцами и т. д. Тут дело «до петли доходит» и дискуссия, понятно, идет весьма горячая.

Не будем говорить о том, кто такой Мичурин и сколь искренно славословил он «корифея науки». Для диктатора он такой же «представитель самой передовой науки», как полуграмотный Папанин, варивший консервы на льдине, и как еще менее грамотный пресловутый Стаханов. Главное свойство этих «передовых» ученых — преданность тирану. Именем диктатора пестрят речи всех участников дискуссии — особенно так наз. «мичуринцев».

Итак, кроме «лягавых» писателей и поэтов и «лягавых» художников, СССР обогащается также и «лягавыми» учеными. Надо добавить, что именно Академия С.-Х. Наук имени Ленина является своего рода образцом цитадели «передовой» науки. Там давно уже посты директоров специальных научных институтов и даже места директоров специальных лабораторий занимались партийными агентами, не имеющими отношения к данной специальности. Там давно уже остатки старых специалистов похвачаны ГПУ и многие уничтожены, а их места замещены партийными недоучками. Что они там творят — не поддается описанию. Жутко подумать, что грозит другим институтам, академиям и «наукам», если власть красnofашистских гангстеров сможет продолжать свои измышательства над русским народом.

Даров (н. э.).

О ПЯТИЛЕТКЕ

- Приведет к 1) Солнечному отоплению,
2) Лунному освещению,
3) Адамову одеянию,
4) Явочному питанию,
5) Всеобщему ликованию и гробовому молчанию.

(Советское остроословие).

„Окно выбросило“

(Маленький фельетон)

Вот уже два месяца, как я все перечитываю дело Касенкиной и огорчаюсь: как это врагам народа удаются их наглые бандитские выходы в то время, как вожди, товарищ Сталин и товарищ Молотов, один по гениальности, а другой по доброте своей, упускают случай наказать изменников и белобандитских приспешников. Эти наглые вылазки врага бросаются в глаза. при малейшей попытке анализировать официальные сообщения по делу Касенкиной. Посудите сами.

Я, знаете ли, во французском языке разбираюсь плохо и потому из французских газет читаю только орган коммунистической партии. При слабом знании языка прочтешь передовицу в другой газете и не всегда угадаешь, чего хочет автор. А тут, в органе партии, все ясно — что ни произойдет, во все виновата Америка. Часто смысла не понимаешь, зато вывод знаешь наперед. Приятно читать. Не утомительно.

Так вот, как ни прочту в органе партии о деле Касенкиной, так все вредительское разногласие получается. Один день пишут: пыталась покончить с собой Касенкина, боялась, снова заберут белобандиты (видите, ехидный намек врага: не доверяла консулу, значит). Увидела в окно толпу, идущую к советскому консульству, и, вместо того, чтобы подумать, как полагалось бы советской служащей, что это эмигранты из капиталистической Америки, просящие визу в СССР, испугалась и прыгнула. На другой день орган партии пишет: радио действовало, испугалась угроз диктора, направленных против генерального консула, и в отчаянии (повидимому за консула) прыгнула. А в третьем номере органа партии еще одна теория: американская секретная служба, мол, толкнула ее выбраться в окно. Ну, как тут разобраться, и не вредительство ли?

Решила я посмотреть, что пишет наш ВКП(б) по первоисточнику, по ПРАВДЕ (знаете, такая газета в Москве издается. Там сокращения любят, так это первые буквы слов: Приказ по Российскому Аппарату, чему Верить Должны Автоматы). Обратилась я к Ивану Ивановичу, чтоб он мне достал «Правду». Вы с ним знакомы, с Иван Ивановичем?

Он прежде невозвращенцем назывался. Знаете, в те времена, когда русские все делились на просто людей и на невозвращенцев, и невозвращенцы все были безумцы, смотрящие смерти в глаза. Теперь, говорят, иначе: все делятся на просто людей и на возвращенцев и это они теперь считаются безумцами, смотрящими смерти в глаза.

Так вот дал мне Иван Иванович «Правду» почитать. Возмутительно! И как это во всем Советском Союзе не нашлось никого, чтобы написать по-настоящему по делу о Касенкиной. Ни одного талантливого писателя криминальных романов. Впрочем, говорят же, что делать одно, а писать другое. Не всякий преступник, например, вам напишет криминальный роман. Ну, а Советский Союз, как известно, страна действия...

Что-ж вы думаете говорит «Правда» по делу Касенкиной?

Опасаясь остаться скомпрометированной, говорит, Касенкина решила ничего не сообщать советскому консульству о том, что ее преследовали неизвестные. («Правда» 12 августа). То-есть, как это? Первый раз слышу, чтоб жалоба о преследовании скомпрометировала людей. Ведь этак пришлось бы закрыть все суды. Никто бы ни на кого не жаловался, боясь себя скомпрометировать. Наужели рабочему в СССР

приходится воздерживаться от жалоб на преследования из боязни себя скомпрометировать?

Вспрыснули, говорит «Правда», белобандиты наркотическое средство Касенкиной, чтоб ослабить ее волю. Какое же это средство, товарищи? Это что ж, намек на отсталость советской науки? Ведь всем известно, что все научные открытия исходят от СССР. Следовательно так и указать: наркотическое средство, ослабляющее волю, изобретенное, ну, например, товарищем Берией.

Подсовывали, говорит «Правда», Касенкиной белобандиты фотографии американских химиков, чтоб обвинить в шпионаже. Ой, как слабо придумано, товарищи, ну где же это видано, чтоб женщину обвинили в шпионаже за хранение фотографии американца, неужели в СССР?

Упала, говорит «Правда», Касенкина сегодня во второй половине дня из окна своей комнаты. То-есть, как это упала? Мыла окно, стоя на подоконнике, что ли? Нет, как будто.

Помилуйте, разве так пишутся криминальные романы? Ведь здесь сплошной саботаж: взял человек перо и накатал по приказу, ни на копейку воображения, ничего нового увлекательного. Прямо хотелось бы предложить «Правде» свои услуги. Мне уже мерещится начало моего сообщения по этому делу. Можно было бы написать так:

При постройке советского консульства американские белобандиты вставили в окно особый прибор, того же типа, что международные враги народа употребили в деле Савинкова и Масарика. Прибор — автоматический, действующий на людей, попавших в советскую обстановку.

И окно выбросило Касенкину.

Вера Сидорова.

С. Я. НАДСОН О СОВРЕМЕННОСТИ

Так вот она, «страна без прав и без закона»
Страна безвинных жертв и наглых палачей,
Страна владычества холопа и шпиона,
И торжества штыков, над святостью идей!

Блеф войны

(Взамен обзора)

ГАДАЛЬЩИКИ

Мы отнюдь не собираемся вмешиваться в толпу тех многочисленных провидцев, предсказаниями которых на тему: «если завтра война...» наполнены столбцы современной мировой печати. Создаваемый журналистами психоз войны обоюдоострое оружие: он сеет ненужную смуту в умах, поднимая, быть может, воинственное настроение одних и вызывая панику у других. Куда лучше неизбежное встречать со спокойствием духа! Никто не знает — будет ли война и когда она будет...

Ясно, конечно, что провокационное поведение СССР нервирует весь мир. Но перед кем из этих крикливых гадалщиков раскрыты секретные стратегические карты, из которых явствует, что красная армия в любой момент может захватить Европу? Откуда уверенность, что «во-

ля французов к сопротивлению почти совсем сломлена», как написал недавно один из иностранных обозревателей? Неужели потому только, что некая г-жа Жанет Вермеш, парижская коммунистическая депутатка, развязно заявила, что военная американская помощь это своего рода «мошеничество («Фигаро»), а сам лидер, Торез, одновременно поспешил заверить, что французский народ, по единодушному решению, никогда не поднимет оружия против Советского Союза? Есть ли, однако, после заявления министра внутр. дел Мока, этого смелого и решительного социалиста, какое-нибудь сомнение в том, что местные коммунистические марионетки повторяют лишь московскую шпаргалку, она предписала кремлевским агентам, снабженным соответствующей денежной дотацией, воспрепятствовать всеми мерами возможности возникновения войны против СССР, саботировать военную подготовку Франции, ослаблять забастовками государственную экономику и создавать в Париже пражскую обстановку. Мок (по тексту «Фигаро») определенно заявил, что имеющиеся в его руках документы устанавливают, что у руководителей Коминформа нет уверенности в соответствующем боевом пыле французских рабочих.

К сожалению, сами вершители современных судеб человечества до сих пор не уяснили себе отчетливо, какую ставку надлежит им выбирать в международном дипломатическом тотализаторе; то ли сохранять «вооруженный мир» в надежде на эволюцию большевизма, или на тот или иной судьбой предугазанный конец деспотического режима в СССР; то ли безнадежно пытаться вбить в «твердые лбы кремлевских сатрапов» мысль о грозящей им опасности, если они не прекратят своего «шантажа».

Давно пора понять, что политика «замораживания» абсолютно ни к чему положительному привести не может и что таким приемом нельзя поставить советскую олигархию «на колени». Бесконечно прав Абрамович в последнем сентябрьском номере «Соц. В.» — в борьбе на нервах сильнее тот, кто менее боится «риска войны», а Сталин пока не боится, ибо знает, что «союзники на войну сейчас ни в коем случае не решатся, а ограничатся бумажными протестами». «Ультиматум, поставленный Сталину, — заявляет публицист меньшевистского органа, — заставил бы его, а не союзников искать путей к отступлению под каким либо предлогом для спасения лица». Такого же мнения держится и новый авторитетный невозвращенец полк. Токаев — советский генеральный штаб не чувствует себя способным на войну ранее 50-го года (статья в газете «L'Aurore-France Libre» 21 сентября).

Советские сатрапы лучше других знают, что никакой наступательной войны они то вести не могут, несмотря на все свои видимые «стратегические» преимущества. Это не означает, однако, что советская угроза миру фиктивна — нет, она вполне реальна в будущем и даже не в аспекте проблематического создания всемирного Советского Союза социалистических республик. Припадка «красного безумия», вероятно, не последует у расчетливых до цинизма реальных политиков. Но спровоцировать войну они все-таки смогут. Мы всецело разделяем мнение, выраженное б. т. мин. ин. дел США Соммером Уэльсом (статья в «Нью-Йорк Трибуне»): «С ними может произойти то же самое, что и со всеми диктаторами, у которых горела почва под ногами, когда они внешним столкновением отвлекали внимание масс от внутренних трудностей»). Не допустить обмана со стороны кремлевской диктатуры можно только целесообразной организацией революционной борьбы. Сюда и должно быть направлено внимание всего антибольшевистского мира. «Завтра» войны не будет, если из рук большевиков будет выбито психологическое оружие в виде коммунистических «пя-

*) Берем цитату из мюнхенского «Обзора Ин. Печати», где систематически помещаются переводы наиболее значительных статей мировой прессы.

тых колонн», поддерживающих «мировой хаос». Надо кончить пустые международные разговоры и изгнать большевистскую власть из среды столь чуждого ей культурного мира. Никаких иллюзий относительно возможности демократизировать политических мракобесов высокими словами о праве, свободе и общественной морали. Мы не верим в то, что актуальную роль в современных условиях может сыграть «большая группы видных членов ВКП(б), о которой говорит в своем «открытом письме» ЦК большевиков новый невозвращенец полк. Токаев. Пусть они даже «единодушно» отвергают ставку на мировую революцию», пусть «категорически» отбрасывают «закостенелую догму» ленинизма о «насильственном разрушении буржуазной государственной машины», без чего невозможна «пролетарская революция». Надо вообще прекратить обсуждение мировых проблем в «свободно-дискуссионном порядке» с коммунистами. Да, это полная изоляция. Но только она реально поможет угнетенным народам России скинуть ненавистное ярмо и тем самым освободить весь мир от нависшей над ним угрозы.

Оптимист.

МИФ О «НЕПОБЕДИМОСТИ»

Едва ли кто-нибудь теперь уже верит в этот миф по отношению к СССР. Нет сомнений в том, что советская власть лихорадочно, а не только демонстративно, готовится к войне, как всегда принося в жертву все жизненные интересы народа. Из-за «железного занавеса» от времени до времени просачиваются сведения о том, что делается для подготовки войны в глубине сибирских руд и на европейско-азиатском рубеже при помощи многомиллионной армии безответственных рабов. И не только там. Напр., корреспонденты «Часового» на основании рассказов работавших в Прибалтике репатриированных немецких военнопленных говорят об усиленных военных сооружениях на островах Рижского Залива и т. д., и т. д. Упомянутый Токаев, недавно еще принадлежавший к верхам партийной и военной верхушки, упоминая о работах над проблемами атомного оружия и биологических средств ведения войны, о «расцвете военщины», утверждает, что в СССР производство танков, орудий, самолетов и прочих видов оружия достигло «неслыханных масштабов» для мирного времени.

Этим «гигантским» военным приготовлениям противостоят, однако, столь уже «гигантские» усилия союзников (конечно, главным образом США), которые в короткое время должны изменить «соотношения сил» отнюдь не в пользу московских аферистов. Американские специалисты после тщательного изучения советской действительности весьма убедительно показывают, что промышленно-технический потенциал СССР безконечно ниже уровня США. При самых благоприятных условиях, которых в наличности нет, к 1951 г. советская промышленность, видимо, может достигнуть лишь уровня американской промышленности 1903 г., т. е. 45 лет назад. Не изменяя дела и колоссальные людские трудовые резервы в СССР, ибо производительный труд подневольного раба при недостаточной технической подготовке не достигнет и половины той производительности труда в США, которая была «30 лет назад... Быть может, советские ученые и знают «большую часть» секрета атомной бомбы, но главные отрасли промышленности СССР, необходимые для производства атомных бомб, отстали от Соед. Шт. на 22 года, и следовательно, если советская власть сможет координировать необходимые отрасли промышленности в соответственном масштабе и делать атомные бомбы, Соед. Шт. будут иметь запас таких бомб, равный «18 годам советской продукции» (расчеты Генри Тэйлора, приобретшего в свое время известность анализом нацистской военной экономики — статья в «Ридерс-Дижест» (пер. «Об. Ин. Печ.»). Недохватки свои советская власть пытается восполнить приспособлением к военным нуждам СССР промышленной экономики

в странах сателлитах. В этом отношении интересны данные, которые приводятся в корреспонденции «Силлака» о секретных совещаниях в Москве с представителями контролируемых кремлевской властью государств Центральной (в частности Польша) и Юго-Восточной Европы.

Все это паллиативы, которые не в состоянии изменить основные соотношения сил. Ведь гораздо значительнее другое. Даже советская оккупационная армия, систематически пополняемая молодыми, не разложившимися под влиянием ознакомления с «буржуазным» Западом элементами, не является надежной. (Корреспонденты «Часового» утверждают, что наиболее верной опорой режима являются примитивные «монголы» — мы в этом очень сомневаемся). Берлинский корреспондент швейцарского еженедельника «Вельтхокс» Курт Рисс, на основании полученного материала категорично говорит, что оккупационная армия теряет под ногами твердую почву, что она в подлинном смысле рассыпается и впадает в состояние дезорганизации. Он рассказывает о советских офицерах, получивших приказ вернуться на родину и перебежавших с женами и детьми на сторону американцев... Показательные данные о настроениях в армии были уже у нас напечатаны в сборнике «За Свободу России». Американская печать («Герольд-Трибюн») совсем недавно подвела некоторые итоги «бегства на Запад» — по этому исчислению за последний год в одну американскую зону в Германии перебежало 13.000 человек (из них 4.000 офицеров). Это будто бы только официально зарегистрированные перебежчики! Большинство, перейдя границу, вливается в никем не контролируемое немецкое население. По мнению авторов статьи перебежчиков в английскую зону должно быть еще больше, ибо англичане никогда не выдавали беглецов советской власти — и это знают в оккупационной армии.

Массовое дезертирство в мирное время само по себе весьма показательно. Ослабнет ли оно при военном конфликте? Получаемая пока от беглецов информация чрезвычайно напоминает те сведения, которые доходили до эмиграции перед последней войной и которые полностью подтвердила последовавшая затем действительность — грубо говоря, «пораженческие» настроения. Ими не сумели воспользоваться в своей негибкой политике и фанатичной заносчивости немцы. Результаты известны. В новой войне скорее всего должно повториться то же самое, если не в большем размере. Армию и народ трудно будет настроить после всего пережитого против Америки и ее западных союзников, ибо каждый «советский» должен почти инстинктивно чувствовать, что у мировой демократии нет побудительных причин, заставлявших немцев стремиться к захвату «жизненного» для них пространства до Волги.

Едва ли здесь советской власти поможет политика, пытающаяся, по выражению Токаева, продолжить линию Розенберга, в ждановском «переиздании», и воспитать в народе чувства «советской расовой исключительности русских», «прусачество» заменить «русачеством», «расовой гитлеризм, расовым сталинизмом» («Часовой» — октябрь). Не помогут и легионы политагитаторов. «Зеленый Интернационал» партизан в оккупированных странах и «банды» грабителей внутри СССР, от которых страдает отнюдь не население, об этом свидетельствуют довольно определенно. Мы слышим старые, хорошо нам знакомые припевы о войне: «дойдем до океана» — утверждают комиссары, и в ответ: «пусть только начнется война, нас больше не обманут», «мы им навоюем». И не только в воображении корреспондентов «Часового», передающих рассказы репатриированных, американцев ждут, как «освободителей»: они «не повторяют глупостей немцев и будут вести борьбу против коммунистов, а не против русского народа». Курт Рисс упоминает полковника в окрестностях Виттенберга, заявившего немцам: «вероятно, скоро будет война. Только таким способом мы можем освободиться от кремлевских тиранов».

Неужели можно сказать, что мы видим только то, что нам хочется воспринимать по своим политическим настроениям? Нет, никакой аберации у нас нет. Отступление «до Камчатки» не спасут советской власти в случае вооруженного конфликта с мировой демократией — стратегические преимущества России в оборонительной войне обратятся и тут против нее: война внешняя неизбежно переродится в войну внутреннюю. Это большевики знают. С.

Р. С. Полк. Токаев в той же статье, напечатанной во французской газете, утверждает, что «Красная армия в четыре раза менее предана режиму, чем это было в 41 г. Солдаты испытывают разочарование из-за плачевных материальных условий, в которых находятся их семьи и которые с каждым днем ухудшаются, в противоположность тому, на что их заставляли надеяться. Среди офицерства царит недовольство, вызванное недоверием, которое обнаружила к ним коммунистическая партия вслед за победой над Германией. Большая часть крупных военачальников впала в полу-немильность».

Назвав на память фамилии пятнадцати армейских и дивизионных генералов, защитников Сталинграда и Ленинграда, сосланных за то, что они были за ограничение власти Политбюро, Токаев заключает: «В случае конфликта, активная пропаганда Запада внутри СССР создала бы для кремлевских диктаторов огромные трудности». По словам Токаева уже сейчас в СССР идет активная подпольная работа: передачи ББС и американского радио тайно слушаются лицами, которые распространяют их затем в форме бюллетеней, напечатанных на машинке.

В МОСКВЕ ЗИМОЙ 1948 Г.

(Из письма, полученного с оказией)

С высоты 300 метров мы спустились на границу СССР. Здесь все прошло ничего себе, только почему-то очень грубо вырвали негативы из моего фотографического аппарата. Дальше двинулись на автомобиле. Было грустно, грустно — уж очень в плохом состоянии домики вдоль дороги до самой Москвы — все так серо, серо, и люди так плохо одеты. Все без красок. Скажу прямо о том, что произвело и производит самое отчаянное впечатление — это состояние домов! — ужас! Люди все-таки выглядят лучше.

Иное дело и гораздо более важное это то, что читаешь в лицах людей. Мне кажется, что ясно видишь, как много они пережили и голода и тяжелого труда — бледные, усталые идут они по улицам, едут в метро...

Очень много везде, особенно в театрах, военных, офицеров — в театрах кажется, что, как будто их большинство, но это и понятно: видно, что они лучше других живут, их жены лучше выглядят и лучше одеты...

Действительность здесь для меня, как иностранца — кошмар, так как моей мечтой было поближе познакомиться с русским народом — не хотелось верить тому, что я собственно знал, тому, что такие мечты безумны. И именно это за последние полгода стало еще гораздо труднее для иностранца, чем было раньше — мы начинаем себя чувствовать в пространстве, лишенном воздуха. В самом деле наше положение таково, что мы не смеем познакомиться с русскими людьми. Они боятся, и это понятно — им так плохо придется от такого знакомства. Вот такова она и есть действительность. А иностранец привыкай, что на тебя смотрят здесь, как на преступника, у которого в кармане скрыты доллары...

Живу я в «Метрополе*»), комнатка маленькая с ванной, плачу за

*) В «Метрополе» больше всего русских, но и иностранцы есть, напр., журналисты.

нее 1100 руб. в месяц, т. е. 137,5 долларов. Здесь все, кроме книг, очень, очень дорого. Книги дешевы, но бумага ужасная. Такие цены, что ушам не веришь. Питаться в гостинице невозможно из-за дороговизны. Выписываем консервы из дому, из за границы, и все обходится по крайней мере в 10 раз дешевле, чем здешнее. А в последнее время очереди в Москве за хлебом стали невероятные — люди ночью в них становятся. Муки же достать вообще нельзя.. После денежной реформы нам, иностранцам, стало гораздо труднее — до реформы за доллар платили 12 рублей, а теперь только 8... А в магазинах народу сколько! Просто не знаешь, куда деться, и все толкаются!...

Бывал я и на докладах по искусству, по литературе, а в Технологическом музее — по культуре, по печати. Но это не очень-то интересно — они вкладывают все время повсюду политику, просто невыносимо. Кроме того, такое национальное «хвастовство» — больно слушать — разве это нужно? Это «вечное хвастовство» и эта «вечная ругань» всего, что находится на другой стороне. Очень больно. Это по-моему очень портит молодежь. А я все же уверен, что все равно придет пора, когда русский народ скинет все противное и станет свободным... В журналах, газетах все то же, что и в докладах — ругань и хвастовство. Все или белое, или черное для них.

НЕДАВНЕЕ ЕЩЕ ПРОШЛОЕ (Запись депортированной немки)

Весной 1945 г. большевики больше двух месяцев гоняли нас, не успевших во-время уйти, по всей Восточной Пруссии, а затем погнали к Москве. Нас совсем не кормили, питались мы, чем попало, и воровством. Изнемогавших бросали на верную смерть. Под Москвой нас поставили на расчистку, но пайка так и не давали. Потом перегнали на полевые работы — по 24 женщины запрягали в плуг и заставляли пахать; по 16 запрягали в молотилку вместо лошадей — это длилось три недели без всякого пайка, а затем дали по 200 грамм зерна на день и отвели развалившийся сарай под «больницу», вернее «мертвецкую».

В 1946 г. перевели на стройку с обязательным дневным уроком — перетащить 400 камней. Зимой 46-47 г. был сильный мор — мерло больше мужчин от полного истощения. Свирепствовали тифы, но только с появлением чумы устроили изолятор, куда тащили умирать. Когда рабочая сила стала быстро уменьшаться, дали продовольственные карточки, по которым редко удавалось что-либо получить, — все расхищалось передатчиками. Кто имел одежду, менял ее на продукты, ибо русские были одеты по-цыгански. Чудом я выжила и вернулась.

В заключение два слова о бедственном положении там: огромные пространства, ранее плодородные, ныне лежат необработанные. Человек живет примитивно; редко говорится о политике, но я слышала не раз: «Сталин точь-в-точь такой же сумасшедший, как Гитлер».

Возвращающихся из оккупационной зоны русских обшаривают строго и отбирают у них все, что они приобрели в Германии. Русский, проживший в Германии, возвращается к себе, очень недовольный жизнью и царящими там у себя условиями. Февраль 1948 г.

СОВРЕМЕННЫЕ МАЛЬБРУКИ

Никогда еще в российском зарубежье не было такого революционного потенциала, который дала новая эмиграция, вышедшая из рядов власовской армии и сочувствующих ей элементов, депортированных или бежавших из России. Сложная задача в тяжелых условиях нашего беженского бытия и роковым образом не разрешенной еще проблемы Ди-Пи должным образом использовать эту революционную энергию в интересах борьбы за свободу России.

Неопределенна и сама по себе мировая политическая конъюнктура. Война... Она многое определит и неизбежно поставит вопрос о создании того «российского участка», который с большой настойчивостью проповедует редакция «Часового»... Но признать этот вопрос «исключительно срочным» нельзя и, быть может, тактически даже опасно. Не слишком ли преждевременно выступил в американской печати знаменитый русский авиатор Сикорский с призывом создавать национальные армии из «находящихся за границей и на своей родине» людей, дабы представить собой в случае вооруженного конфликта «сектор союзнического фронта»? Сикорский предлагает «свободным народам» прокламировать свою дружбу к угнетенным нациям, находящимся за железным занавесом (в том числе и к русскому народу) и пригласить эти народы в случае войны «сдаваться массами», обещая зачислять их в национальные армии освобождения и направлять в свои страны». Все это в будущем разумно, но трудно понять, зачем заранее давать большевикам материал для их демагогической пропаганды?

А главное без соответствующей политической подготовки и организации общественной и международной договоренности можно подвергнуть риску дискредитировать будущую «Российскую Освободительную Армию» и имеющееся зародиться в ее недрах Российское Национальное Правительство. На деле это уже происходит в зонах оккупации Германии, где на арену выступили самозванные зачинатели на практике того, что некоторые мыслят пока теоретически. Там в зонах все уже намечено и спешно создаются военные «кадры» «Российской Осв. Армии», которую поведет ген. Глазенап с заместителем в роли главнокомандующего никем иным, как казачьим «генералом» Кононовым! (См. выше отклики). Имеются начальник штаба, командир корпуса, начальники дивизий и полков, начальник секретной части и пропаганды и т. д. Все предусмотрено. На горизонте замаячила и фигура печальной памяти Бермонта-Авалова...

Об этой компании довольно темных подчас дельцов, использующих революционный пыл и неопытность новой эмиграции, сказано было уже достаточно. Мы хотели бы, чтобы вместе с нами протестовала и осудила эту авантюру и редакция «Часового», как органа тесно связанного с военными кругами нашей старой эмиграции. Так можно погубить всю нашу освободительную борьбу и сыграть только в руку большевиков.

С. П.

РУССКИЕ ИЗГОИ

ВЫПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

Выше уже было отмечено, что, благодаря инициативе и энергии нашего юриста К. М. Тихомирова и американского адвоката Пинтера, удалось обеспечить организацию защиты тех злостных русских «военных преступников», которые находятся в Италии и ждут решения суда о выдаче или невыдаче их большевизмическим властям. (См. № 1 «Рос. Дем.»). Дело в том, что среди этих «советских» граждан, арестованных по требованию большевизмического посольства в Риме, находятся и люди, никогда советскими подданными не бывшие, не служившие ни в советской, ни в германской армиях, а проживавшие в Польше и оттуда насильственно вывезенные немцами на работу; среди них имеются старые эмигранты из Болгарии, Румынии и Чехии. Когда же эти мнимые «военные преступники» станут свободными? — спрашивает итальянское правительство «Соц. Вест.», а за ним и вся русская об-

щественность. Защита, получившая официальную доверенность от заключенных в концентрационном лагере на о. Липари сделала уже соответствующее обширное представление послам в Риме — США, Англии и Франции. Пусть громко зазвучат и протесты столь многочисленных ныне гуманитарных организаций, рассеянных по всему миру, — и тогда правда и справедливость победят.

Итальянское дело — позор для культурного мира. Русские в Соед. Шт. широко откликнулись на призыв М. С. Соловьева, напечатанный в «Новом Русском Слове», и необходимые деньги для ведения процесса в короткое время были собраны.

ТРАГИЗМ ПОЛОЖЕНИЯ

На последнем собрании Генерального Совета ИРО директором легализованного, наконец, органа ООН, по сообщению регенбургского «Эхо», был избран г. Тэк. В программной речи, произнесенной новым директором, была отмечена успешность работы так называемой Подготовительной Комиссии. Тэк указал, что проблема Ди-Пи оставалась до сих пор неразрешенной из-за отсутствия денег, транспортных возможностей и недостаточной «христианской любви к ближним» народов. Теперь перспективы изменились к лучшему. ИРО является только выразительницей общей воли правительств 16 наций. Ни один орган ООН не воплощает в себе так ярко ее идеал, как ИРО, претворяя его в практической деятельности. И новый директор давал как бы моральное обещание достичь в переговорах с отдельными правительствами такого понимания проблемы о переселении, из которой исключалась бы существующая ненормальность устрания, напр., неработоспособных членов одной и той же семьи и т. д.

Будем надеяться, что в новых условиях, действительно, изменится современное безотрадное положение. Вышло так, что почти накануне сентябрьской сессии Генеральной Ассамблеи ИРО дело приняло почти катастрофический характер, побудивший нью-йоркский «Соц. Вест.» сказать: «неужели же не найдется управы над ИРО, а брюссельский «Силак» в своих исключительно ценных ежемесячных обзорах (Досие дю Коммунизм) напечатать сводку, озаглавленную «Странная история ИРО». По истине много странного творится в этой гуманитарной международной организации. Не так давно коллектив центральных рабочих лагерей под Мюнхеном от имени 4.000 пребывающих там беженцев представил военному управлению и высшей администрации ИРО меморандум с протестом против новых правил, введенных в лагерях: из заработной платы каждого работающего, как в лагерях, так и вне их, ныне производится удержание в размере 70 марок в месяц (50 за питание и жилище и 20 в какой-то никому неизвестный специальный фонд ИРО); все работоспособные люди, проживающие в лагерях и не имеющие постоянной работы, принуждаются к бесплатной работе в течение 2-х с половиной недель в месяц (причем лица, не вышедшие хотя бы один раз на такие работы, изгоняются из лагеря без всяких исключений); в ближайшее время произойдет сокращение рационов питания. Получаемый паек (в обзоре «Силлака» он именуется голодным, катастрофически скрывающимся на положении детей) стоит, по исчислению указанного меморандума 17,85 м. в месяц; примитивное, ветхое уже жилище (так называемые «картонные бараки»), почти непригодное для человеческого жилья по немецкой экономике рассчитывается по 2 м. на человека в месяц. Таким образом фактический расход на человека (учитывая отопление, электроэнергию, случайные выдачи старой одежды) меморандум исчисляет в 24,55 м. А мировая благотворительная организация помощи Ди-Пи берет 50 м. с человека!

Меморандум заканчивается патетическим призывом: «Руководящим работникам ИРО должно быть хорошо известно, что четвертый год бессмысленного и бесполезного лагерного сидения в положении без-

правия и безперспективности и без того подавляет душевное состояние людей и доводит их до отчаяния... жители лагерей отказываются верить, чтобы гуманитарная международная организация, созданная для забот, опеки, правовой защиты и расселения Ди-Пи — «военных беженцев», могла встать на путь жестокостей, несвойственных духу организации Объединен. Наций... Если же кто-то созданием невыносимых условий жизни в лагерях думает понудить нас на репатриацию, то он глубоко заблуждается. Из наших неоднократных заявлений и доказательств на практике Кемтена и Фюссена, несомненно известно, что все мы охотнее примем смерть из собственных рук, чем согласимся на репатриацию. **Мы еще раз открыто и на весь мир заявляем об этом твердое и непоколебимое наше решение.**

Комментируя меморандум, «Соц. В.» требует прекращения этого безобразия и издевательства над ни в чем неповинными несчастными людьми армией ировских чиновников». Лагерный меморандум был подкреплен соответствующим представлением Централн. Представит. Рос. Эмиграции в американской зоне Германии сентябрьской сессии Генеральной Ассамблеи ИРО. «Переселение Ди-Пи и военных беженцев не сдвинуто с мертвой точки», — заявляет это представление. Лагерь Ди-Пи практически сведены до роли Международного рынка рабочей силы, где тщательно выбираются только «крепкие мускулы», а судьба стариков, женщин и детей никого не интересует. Тысячи разрешений на выезд, полученных помимо ИРО и оплаченных полноценными деньгами родственников или общественной организацией, лежат долгими месяцами без всякого движения. «Создается впечатление, что будто какая-то злая воля замешана в судьбе ДП. Как будто кто-то сознательно тормозит расселение». Центральное Представительство видит причину этой ненормальности в самом построении деятельности ИРО: «резко подчеркнутое, привилегированное положение руководящих чиновников ИРО, высокие ставки и система оплаты аппарата не стимулировали работы по расселению,* а наоборот способствовала задержанию ее. Чиновники ИРО при существующей системе субъективно заинтересованы в сохранении существующего положения».

Необходимо пересмотреть деятельность ИРО и целесообразно использовать ассигнованные средства на переселение ДП и на их трудовое устройство. «С этой целью, — говорится в меморандуме Центр. Пред., — мы искренне предлагаем, как центральным, так и местным органам ИРО, нашу посильную помощь и деловое сотрудничество. Практически мы предлагаем учредить при всех органах ИРО должность официальных представителей ДП, не состоящих на службе в ИРО в качестве чиновников, а специально избираемых для этой цели самими ДП. К сожалению, мы должны констатировать, что до сих пор такого контакта и делового сотрудничества между органами ИРО и ДП не существовало».

Борис Домогацкий в чухновском «Русском Зарубежье» (№ 96) дает сочную бытовую иллюстрацию из жизни в одном из распределительных центров ИРО в момент приезда инспекторской комиссии из представителей Главной Квартиры. По мановению волшебного жезла все подчищается и изменяется в столовке. Вместо безвкусного меса, которое десятками ведер отдавалось свиньям (не съеденные обеды) появился в ировском издании своего рода прославленный аракеевский жаренный гусь, который переносился из дома в дом при пощении Александром I военных поселений.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АБСУРД

Обзор «Силлака» (9 сентября) приоткрывает занавес с другой стороны. Недостаток новой международной организации получен как бы по наследству от предшествующей ей УНРРА, которая не войдет в

историю с добрым именем. Деятельность УНРР-ы обошлась в 3 миллиарда дол. и базировалась на идее соглашения с Советским Союзом. В соответствии с этим был подобран и состав служащих. Из числа их набраны в значительной степени и сотрудники теперешнего ИРО — учреждения более скромного с бюджетом только 80 мил. дол. В настоящее время практика репатриации достаточно выяснена и должна была исчезнуть наивная иллюзия, порожденная полным незнанием того, что творится за «железным занавесом». Однако, агитация за репатриацию продолжается, и «обзор» приводит характерные выдержки из официальных документов (Ген. бюл. ИРО, циркуляры, интервью должностных лиц), призывающих содействовать репатриации больных и стариков, но, конечно, не «насильно». Может быть на такую агитацию, имеющую и цель уменьшить число опекаемых, откликаются одинокие, обреченные почти на голодную смерть в условиях своего существования в Германии и готовые пойти на риск возвращения на родину в надежде, что по их возрасту и состоянию здоровья они избегнут отправки в концентрационные лагеря. «Обзор» отмечает, что при поддержке организации ИРО, как будто «не являющейся секцией Коминформа», беженские лагеря в американской и великобританской зонах наводнены коммунистической литературой, в которой Соед. Шт. и Англия провозглашаются странами с победившим фашизмом, бастионом злейшей реакции и зачинателями новой войны. Число допущенных к распространению коммунистических изданий, по данным главного административного штаба самой ИРО, исчисляется в 242 названия.

«Обзор» подчеркивает наряду с этим запретительные меры (вплоть до конфискации) к распространению информации, идущих с другой стороны. Характерная черта — половина этой пропагандной литературы, уничтожаемой обычно беженцами, издается на английском языке и, очевидно, предназначается для агитации среди служащих и разложения оккупационных войск.

Где же здесь политическая логика? — спрашивает бельгийское издание: с одной стороны пытаются построить как будто защитную стену против коммунистической опасности, а с другой облегчают введение троянского коня в центр Европы для уничтожения демократии. Логика никакой нет. Беженцы волнуются. Носятся слухи, что советская власть имеет полные списки находящихся в лагерях Германии. Неопределенное международное положение болезненно отражается на психике ДП — все со страхом ожидают войны, которая может выдать их на погибель в руки злейших врагов. Действительно, «данно уже пора покончить с этой античеловеческой и позорной для демократии практикой». (Из меморандума Центр. Пред.).

«МИРНАЯ ПРОПАГАНДА»

(Письмо из Аутсбурга)

В связи с трудностями после денежной реформы активизировалась деятельность советчиков. Наши лагеря посещают репатриационные комиссии в новом бутафорски-напыщенном составе, рассчитанном на пропаганду «забот отца народов» об угнетенных ДП. Теперь разъезжает по лагерям ген. Юркин в окружении 6 чекистов и под охраной усиленного наряда МП. Во избежание нежелательных эксцессов при посещении лагерей — принят новый порядок общения ДП с совет. опричниками. Теперь не созываются открытые собрания «для дискуссий», а в определенный день и час приглашаются к «почетным гостям» только лица, желающие репатрироваться. Таких желающих обычно не бывает и раздраженный генерал везде обвиняет «комитетчиков», т. е. лагерные национальные комитеты, что они не допускают к нему стремящихся на родину ДП. Почти всегда около помещения, где останавли-

ваются «союзные представители», собирается толпа, больше из праздного любопытства, чем «для серьезных намерений». Возмущенный генерал в соседнем балтийском лагере даже потребовал, чтобы американские полицейские загнали толпу в помещение, на что получил деликатный отказ. В конечном результате пользуется своим правом «мирной пропаганды» и раздает на улице сов. газеты. ДП охотно берет литературу и тут же устраивают костер.

Денежная реформа в переходный период оказалась более тяжелой, чем думали раньше. В исключительно тяжелое положение попали беженцы, живущие на частных квартирах... Большевики стараются использовать хозяйственные затруднения в отношении пропаганды среди беженцев. Кто знает, не появятся ли и здесь пресловутые «союзы патриотов» в форме каких-либо новых просоветских организаций. До сего времени мы жили спокойно. Ниже даю перевод из литовской газеты «Лусу Келнос» о посещении ген. Юркина. «Несколько времени тому назад литовский лагерь в Швебише Гмюнд посетил советский ген. Юркин, прибывший из Берлина в сопровождении других 6 советских офицеров, среди которых находился бывший унтер-офицер, в свое время предававший литовских патриотов, Чапас, произведенный теперь в лейтенанты за свои «заслуги». Генерал прибыл поговорить с литовцами, желающими возвратиться на родину, однако, в течение нескольких часов незванного визита, таких не нашлось. Генерал захотел узнать о действительной причине нежелания литовцев возвращаться на родину. Он обратился к служащему литовского лагеря, который согласился изложить мотивы невозвращения с условием, чтобы его заявления были переведены на английский язык американским офицером, сопровождавшим советчиков. Литовец, бежавший от большевиков и четвертый год живущий в ДП лагере, сказал советскому генералу:

— Г-н генерал, вам вероятно известно, что 99,9 процентов здесь живущих литовцев лично видели и пережили большевицкий режим в Литве 1940-41 г.г. Вам также известно, что в 1940-41 г.г. тюрьмы и концентрационные лагеря были переполнены невинно арестованными людьми. Они были арестованы только потому, что были литовцами и некоммунистами. Вам, генерал, также известно, что 14-21 июня 1941 г. большевики вывезли вглубь Сов. Союза из Литвы 40.000, из Латвии 60.000 и из Эстонии 30.000 невинных людей различного возраста и профессий. Между ними было много стариков, детей, больных, которые никакому режиму не могли быть опасными.

Тут американский полковник, услышав эти утверждения литовца, спросил:

— Вы это слышали, читали или сами пережили?

— Да, г. полковник, я сам это пережил и видел, так как 40-41 г.г. жил в Литве.

После этого сов. генерал попробовал дать другое направление разговору, однако, литовец настойчиво спросил:

— Г-н генерал, разве это неправда, что я сказал. Прошу ответить.

Очень неохотно и с кислой миной сов. генерал ответил:

— Да, это правда, но вы должны понять, что это было накануне войны и другого выхода не было, как вывезти нежелательный элемент. Теперь людям нет этой опасности... Вы, видно, хороший пропагандист, т. к. прекрасно оперируете преувеличенной статистикой.

— Нет, генерал, это не преувеличено. А опасности в настоящее время не меньше, чем в 40-41 г.г., т. к. ваш режим считает людьми только тех, кто принадлежит к коммунистической партии; я и мои соотечественники, находящиеся в лагере, некоммунисты, ими не были и не будем. Кстати можно отметить, что «настоящих» людей, т. е. коммунистов в 40-41 г.г. в Литве было 101 человек.

Генерал отрезал:

— Да, таких, как вы, партия действительно не принимает. В партию трудно попасть. В Литве и Прибалтике я не бывал и тамошних условий не знаю. Однако, мне не о чем с вами разговаривать, т. к. вы из сферы «комитетчиков». Не сомневаюсь, что каждый крестьянин или рабочий действительно изъявил бы желание вернуться в Литву.

В один из городов Французской Окуп. Зоны некоторое время назад приехал представитель Сов. Репатр. Миссии и, собрав Д.П., рассказывал о райской жизни в сов. отечестве. После окончания собрания один из Д.П. показал советчику изданную в Соед. Шт. карту конц. лагерей, (см. сб. «Св. Мысль») попросив разъяснить, что это такое. На что член миссии ответил, что это **план сов. промышленных предприятий**. На вопрос, что означают напечатанные рядом документы, он не ответил, но попросил дать ему эту карту для ознакомления с ней дома, обещав дать разъяснения через несколько дней. Карты ему не дали. Эта карта была наклеена на здании коммунистической партии в Линдау.

КРИК ДУШИ

(Из старых писем в редакцию)

В вам пишем доин из «рефюжье», которому посчастливилось бежать из «раз трудящихся». Это было в конце 43 г., и с тех пор потянется для него длинная цепь скитаний, всевозможных приключений, нужды и опасности, словом настала жизнь скитальца. И сейчас, находясь уже на Западе, живешь так со дня на день, в постоянном страхе перед дикой, чудовищной охотой на человека. Но принятое в огне решение: «свобода или смерть» вливает вновь и вновь свежие силы в наши истерзанные двадцатилетним террором сердца и мы продолжаем идти — куда? Все равно куда, только бы не навстречу охотникам за черепами. Идем, борясь всеми средствами, с глазами хищников, видящих даже во тьме, идем вперед, с одной надеждой, что пробьет когда-нибудь час, когда мы пойдем уже не от «них», а на них, навстречу этим льюеодам нового времени. В полулегальщине, в которой находится сейчас в Европе многие из нас, мне удалось добыть один из номеров вашего «Независимого Слова». Да. Значит мы не одни, значит есть еще люди, думающие как мы. Слава Богу. Если так — крепче сжать кулаки, стиснуть сильнее зубы. В единении сила. Сегодня пусть они — завтра будем мы. Я и мои единомышленники буквально до дыр зачитываемся вашим журналом. Первым движением было помочь вашему журналу, чем только можем. В первую очередь — деньгами, пером (в ближайшие дни соберем сотню-другую франков и вышлем по указанному в журнале адресу). Я лично, работая в одном предприятии по 12 часов в сутки на тяжелой физической работе, очень мало имею времени для того, чтобы написать более или менее толковую статью или заметку о некоторых, ставших бытовыми, моментах существования «самых свободных граждан самой свободной, самой демократической республики в мире». Много, очень много есть, о чем писать. Возможно, что многое уже и известно читателям вашего журнала, но не в этом дело. Дело подчас не в фактах, а в осмысливании этих фактов, в умении, в способности обобщить разрозненные явления, сделать нужные и правильные выводы. Этим заняться — значит нужно оставить, пусть хоть и временно, работу, что никак не входит в мои расчеты, так как работа в данном предприятии дает мне, как «рефюжье», кое-что большее, чем насущный хлеб.

Итак, на «прозу», на более или менее обстоятельную статью меня не хватит. Мне больше по душе стихи. Если в вашем журнале они смогут иметь место (при этом я посылаю вам несколько из них), значит хорошо. Может быть в них что-нибудь не так. Может быть и совсем не годятся для печатания — тогда прямо в корзину. Но знайте

только одно: каждая строка в них — это стон затравленного озверелой бандой человека, это вопль гибнущих в засасывающей трясине большевизма. И тогда, если и не напечатан будет, но все же к сведению принят будет этот вопль. Он сольется, быть может, с другими в один общий крик раздавливаемых красным сапогом людей и этот крик услышан будет теми, кому надлежит слышать. Крепко я и мои попутчики жмем вашу твердую, смелую руку. Вы совершаете великое дело — не только в масштабе своей несчастной страны, но и в общечеловеческом смысле, так как сейчас больше может быть стоит вопрос о защите мировой цивилизации от надвигающейся красной чумы, чем о спасении наполовину, если не совсем уже погибшей Родины.

Бывший концлагерник в Тюрем народов,
то-бишь в СССР, а сейчас «рефюжье» Б—ра.

Ред. Получив такое письмо, мы не можем не напечатать хотя бы несколько отрывков из присланных стихотворений, независимо от их поэтической ценности.

В Л Е С У

(Песня заключенных)

...«В особых случаях — понимай: при работах, почти всегда с пустым желудком, в осеннюю стужу, по пояс в воде — выдавать 3 к. (т. е. заключенному) по 100 гр. водки».

(Из приказов по N-му концлагерю).

Снег заметает тропы.
Шапкою лег на деревья.
Где вы родные дворы,
Где ты родная деревня.
Каждый глядит на себя,
Кожа да кости остались.
Где мы, за что мы, губя
Жизнь нашу, здесь оказались.
В зной нас едят комары,
В зиму нас губят морозы...
С инеем на топоры
Падают, нехотя, слезы.
Валенки выдали нам,
Стала походка кошачьей.
Горе с теплом пополам
Делим и изредка плачем.
Мукам и нашим гробам
Точный учет в околке...
Валенки выдали нам —
Эх, лучше бы выдали водки.

С К И Т А Л Ь Ц Ы

На Запад, на Запад. В пути все бросая,
Бежим мы на Запад от красной чумы.
Что Родина нам, — это мачеха злая,
Где столько страданий извели мы...
Подальше от царства «счастливых» рабов.
Готовы дышать буржуазной отравой,
Пропитанной кровью и «дымом костров»...
Подальше от солнца «свободы» кровавой,

И в пламени гнева набат разнесется,
На битву сзывая весь мир христиан,
В ком сердце без лжи и по честному бьется
Чью мысль не убил еще красный тиран.
В агонии мир. Час великих решений
В истории бьет. Слушай: «быть иль не быть».
Нигде, никому, никогда нет спасения,
Коль страшной чуме путь огнем не закрыть.
Иные пути и искания бесплодны.
Вопрос перед всеми поставлен ребром:
Иль все будут в мире отныне свободны,
Иль все будут жалкими «беглыми» в нем.

В. Боликара.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

Литературно-Художественный Кружок при Комитете Русской Колонии в Риме провел интересный конкурс на лучшее произведение в стихах и прозе, представленное на русском языке. В состав жюри входили литераторы, поэты, профессор Римского университета по кафедре русской литературы, которые с большим вниманием отнеслись к нескольким десяткам рассказов и стихотворений, представленных под псевдонимами во избежание попреков в лицеприятии со стороны жюри. После присуждения четырех призов по каждому роду творчества были раскрыты псевдонимы; выяснилось, что большинство из них принадлежит перу горемычных ДП, ожидающих в лагерях ИРО желанной отправки в «землю обетованную» за океаном, где не будет ни анкет, ни копания в прошлом потерявшего родину человека, ни посещений репатриационных комиссий, а возможность честного труда, хотя бы и тяжелого.

Интересно отметить несомненные литературные дарования авторов, которые так живо откликнулись на призыв изложить свои мысли и чувства на родном языке; но сразу бросается в глаза ряд особенностей: полное отсутствие юмористических произведений, почти не встречаем романтики, находим зато преобладание политических мотивов, проявление глубокого патриотизма и непримиримой ненависти к тому строю, который их угнетал на протяжении 25 лет, и заставил искать спасения по эту сторону фронта и еще сейчас протягивает к ним сквозь проволоку лагерей свои кровавые щупальцы.

Это видно хотя бы из рассказа, удостоенного первой премии, «Волки»:

В занесенную снегом деревню Уральской области приходит поздно вечером старик и просит приютить в Сельсовете; его грубо выгоняют, узнав из его документов, что это бывший заключенный, идущий пешком по отбытии срока на место водворения. В отчаянии, задыхаясь от мучительного кашля, старик садится на край дороги и постепенно замерзает. Набжевавшие волки отступают, почуяв в сидящей фигуре труп. Этот простой рассказ производит потрясающее впечатление.

Рассказ «6-25» дает столь обычную в СССР трагедию рабочего, приговоренного к удержанию в продолжении 6 месяцев 25 проц. из его скудного заработка за 20 минут опоздания на работу. Полуголодная жена резко попрекает мужа за его бывшее сочувствие к закабалившей рабочих власти.

Премиированный рассказ «Чудо» приводит случай, видимо действительно имевший место: летом 1940 г. старый казак нашел ночью на одной из улиц Новочеркасска сверток с церковным облачением. Два года спустя, когда после бегства большевиков в конце июля 1942 г. сразу было открыто 6 црехвей, казак понес это облачение священнику в одну из них. Верующий казак видит чудо в том, что он нашел ризы

тогда, когда и думать нельзя было, что придет война, большевиков выгонят из Новочеркасска и откроются церкви.

Этот рассказ перекликается с принадлежащим перу другого казака — но уже «старого эмигранта», рассказом «Крестоносец». Ярко обрисован герой-священник, идущий с крестом в руке впереди казачьего отряда в годы гражданской войны на Урале. При сопоставлении этих двух рассказов «Чудо» и «Крестоносец» чувствуешь, что, несмотря на различие в их судьбе, оба автора: Уралец-эмигрант с 1920 г. и Донец-эмигрант с 1943 г. одинаково сохранили характерные для казачества религиозность, патриотизм и непримиримость к большевизму. Казак всегда остается казаком в душе: не только после 28 лет эмиграции, но и в советском Новочеркасске 1940 г. и в лагерях ИРО в Италии в 1948 г.

В присланных на конкурс стихотворениях также преобладают политические мотивы. В ярком по форме стихотворении «Мы — братья» противопоставлены рабочий и красноармеец из крестьян, которых советская власть сознательно натравливает друг на друга. Поэт верит, что этот обман пройдет и

«Я в блузе рабочей, ты в серой шинели —
Сойдемся мы с нашим врагом.
И бросим в лицо ему наши шрапнели
И нашим ударим штыком».

В других произведениях, написанных, порою, звучными стихами, находим воспоминания о русской природе, о быте, о праздниках, в них не один раз издевавшие горе авторы, вспоминая родную деревню, шлют проклятия колхозам и их создателям на закрепошенной родине.

Этот конкурс, показавший наличие литературных талантов среди переживших ужасы войны и живущих еще под страхом преследований даже вдали от большевицкого спрута горемычных беженцев, ютящихся по лагерям ИРО, не только подогрел их чувства к родному слову, но и выявил политические настроения, чаяния утративших родину после многих лет большевицкого ига русских людей.

Рим.

Виктор Сергеев.

От Рузвельта к Сталину в международном праве *)

В докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» Владимир Соловьев, следуя в своем учении о праве и государстве, Шопенгауэру, определяет право, как свободу, обусловленную равенством, или синтез свободы и равенства.

Вл. Соловьев защищал свою диссертацию 6 апреля 1880 г. Спустя шестьдесят с лишним лет, 14 августа 1941 г., Ф. Д. Рузвельт и В. Черчилль, определяя мыслимое ими государственное устройство народов после Второй Мировой Войны, внесли это начало в область Международного права (п. 6 Атлантической Хартии).

1 января 42 г. эти принципы положены в основу Декларации Объединенных Наций.

Насколько далеко ушла современная практика Международного права от Вл. Соловьева, Рузвельта и Черчилля, можно показать безпристрастным юридическим анализом одного случая.

*) Автором этой статьи является лицо, взявшее на себя организацию защиты в итальянском деле (См. выше). Мы печатаем его статью с некоторыми сокращениями и устранением научных ссылок. Ред.

30 декабря 47 г., при посадке для отправки в Аргентину на пароход «Санта Круз», близ Неаполя, итальянская полиция арестовала 12 Ди-Пи, находившихся до того времени в лагере «Баньоли» около Неаполя. Согласно справке, данной Министерством Иностранных Дел, арест последовал вследствие требования Советского посольства в Риме, а юридическим основанием задержания является ст. 45 Договора о мире с Италией. Задержанные находятся и по сие время в Центре для иностранных беженцев, находящемся в ведении итальянской администрации.

До настоящее время обвиняемым, находящимся в заключении около 9 месяцев, не предъявлено никакого конкретного обвинения в совершении каких-либо преступных деяний, предусмотренных ст. 45 Договора о мире, и не представлено к тому никаких доказательств. Ст. 45 Договора о мире с Италией в п. 1-а трактует о военных преступлениях и преступлениях против мира и гуманности; в п. 1-б — о преступлениях измены и сотрудничества с врагом во время войны. В своей монографии «*War Criminals, Their Prosecution and Punishment*» г. Шелдон Глюк говорит:

«Военные преступники суть лица, которые без различия их военного или политического положения совершили в связи с подготовкой войны с точки зрения политической, экономической, индустриальной или чисто военной, или в процессе ведения войны, по своему служебному положению действия противно: а) Законам и обычаям ведения легальной войны или б) Принципам уголовных законов, общепринятым цивилизованными государствами, или которые участвовали в подстрекательстве, приказании, посредничестве, советах или обдумывании подобных актов, или, зная, что таковые имеют быть совершенными и обладая возможностью и будучи обязаны предотвратить их, не поступили таким образом».

Как известно, современная юридическая литература о военных преступлениях в Германии и Австрии (Нюрнберг, Дахау и Зальцбург) полностью подтвердила это вышеуказанное определение. В существе дела военное преступление и преступление против мира и гуманности должны, поскольку это касается уголовно-процессуальной стороны, доказываться так же, как все остальные преступления.

Между тем, в отношении группы итальянских заключенных до сего времени, т. е. в течение 9 месяцев, не представлено никаких доказательств в совершении кем-либо из всей группы задержанных лиц Ди-Пи преступных деяний, предусмотренных в ст. 45 — 1-б Договора о мире с Италией.

В ст. 45 Раздел 1-й речь идет об обязательстве Италии принять меры для обеспечения выдачи лиц, совершивших преступления, которые лимитативно указаны в п.п. а и б.

В то время, как обязательство выдавать преступников при отсутствии договоров базировалось на обоснованном мнении, до начала 19-го столетия такое обязательство никогда не было принято в качестве законной нормы Международного права.

Практика большинства современных государств в международных договорах выдвигает для выдачи требование двойной уголовной ответственности за совершенное преступление: по законам государства, которое требует выдачи, и по законам государства, от которого требуется выдача. И известное *Harvard Research* для подготовки многостороннего проекта Конвенции о выдаче (1935) кладет в основу этот принцип двойной преступности.

Почти не имеющая исключения международная практика договора и статуты утверждает, что государства отказываются выдавать лиц для судебного разбирательства по политическим и военным преступлениям.

Это же право принято и Конституцией Итальянской Республики — § 10. Итальянская судебная практика в этом вопросе весьма недву-

смысленна. В 1934 г. Итальянский Апелляционный Суд в Турине отклонил требование Франции о выдаче двух лиц, обвиняемых в убийстве Югославского Короля Александра I-го и французского министра иностранных дел М. Барту 9 октября 1934 г. в Марселе, обосновывая это решение тем, что убийство это, «совершенно по политическим мотивам, нанесло ущерб политическим интересам Югославии» и представляет политическое убийство по Итальянскому Уголовному Закону. Между тем, в случае этих 12-ти заключенных речь не идет о применении принципа двойной преступности, речь не идет также о политических или военных преступлениях, речь идет о том, что не существует вообще никаких доказательств какого-либо преступного деяния с их стороны, следовательно о применении Основных норм Уголовного процесса современных государств.

Бессрочные права являются редким исключением в области гражданского права; уголовные же права обусловлены определенными сроками. В частности и особенно это относится к праву государства преследовать какое-либо лицо по подозрению в преступлениях. Уголовно-процессуальное право всех цивилизованных государств, в частности государств, являющихся договорными сторонами в Договоре о мире с Италией, запрещает держать человека в заключении без достаточных к тому оснований в виде прямых или косвенных доказательств участия данного лица в преступлении, которое вменяется ему в вину. Наоборот, лишение человека свободы без достаточных доказательств его вины, представляет особое преступление, предусмотренное уголовными кодексами большинства цивилизованных государств.

Не может быть сомнений в том, что статьи международных договоров, создавая договорное право между государствами, являются юридическими нормами. Вследствие этого они подлежат толкованию, равно как и нормы законодательства. Одно из основных правил толкования юридических норм состоит в том, что законодатель не может мыслить абсурдно (Фойницкий. «Уголовный процесс») и если применение юридической нормы в жизни приводит к логическому абсурду, следует искать другой путь для толкования намерения законодателя. Нет сомнений в том, что авторы ст. 45 Договора о мире с Италией предполагали обеспечить законное правосудие в делах о военных преступлениях и что это и есть основная мысль законодателя, в данном случае договаривающихся сторон. Между тем, никак нельзя предположить, что они имели намерение дать кому-либо право лишать людей свободы без всяких оснований и притом бессрочно. Создание такой нормы противоречило бы основным понятиям о правосудии цивилизованных государств, нашедшим выражение в их законодательствах. Такое толкование ст. 45 по законам человеческого мышления являлось бы логическим абсурдом не только потому, что противно юридическим понятиям современного человечества, но и основным его понятиям о нравственности. В данном случае было бы уместно спросить, не может ли неправильное толкование ст. 45 Договора о мире с Италией представить преступление против гуманности, предусмотренное в этой статье — Раздел 1-а.

Так как в законодательстве государств отражаются в большой степени основные понятия о нравственности, значит ли это, что цивилизованное человечество стало безнравственным? Или что представители цивилизованных государств, заключающие международные договоры, потеряли моральную силу противиться безнравственности?

Трагическая картина подлинной человеческой жизни, как во взятом нами примере в Италии, не оставляет сомнений в существовании дела. Толкование и применение разбираемой формулы, как это имеет место в Италии в приведенном случае, граничит с преступлением против гуманности, которое само должно преследоваться по ст. 45 Договора о мире с Италией.

Д-р. К. Тихомиров.

Голоса читателей

РОССИЯ ИЛИ СОЮЗ НАРОДОВ?

(Из переписки по организации «Союза борьбы за свободу России»)

1*).

С. П. Мельгунов суждению инициативной парижской группы передал Вашу рукопись «Еще о Союзе борьбы за свободу России».

В отличие от нашей платформы, которая призывает всех заинтересованных в освобождении от советского рабства объединиться в борьбе за возрождение демократической России, как государственного целого, Вы предлагаете борьбу за «свободу народов». Вы исходите из понятия «СССР с 16 республиками» и наличным формам эфемерных «советских республик», «автономных областей» придаете слишком серьезное значение, как формам, могущим обеспечить так или иначе национальные права народов. Мы не разделяем такого взгляда, ибо в такой деспотической стране, как СССР, вообще не может быть речи о каких-либо правовых и национальных гарантиях. Все эти права существуют лишь для пропаганды. Они могут быть сегодня, но могут исчезнуть завтра, что и случилось с несколькими «советскими республиками» и «автономными областями». Национальные права Украины и Белоруссии обеспечены не в большей степени, чем в других республиках, ибо их формальная международная самостоятельность, признанная как бы даже Объединенными Нациями, является лишь грубым обманчивым трюком советской внешней политики.

В основании всего советского строя лежит личная диктатура и в лучшем случае воля Политбюро. Это — не государство в нормальном понимании, а особая организация для социальных опытов и орудие для мировой революции. Жизнь и права народов и личности в СССР абсолютно подчинены указанной задаче.

Всякое расширение власти СССР, как дыхание смерти, убивает национальную жизнь поработенных народов. Что осталось, напр., от самостоятельности прибалтийских народов, сумевших за тридцать лет независимой жизни доказать свою высокую культуру? События последних лет воочию показали всю призрачность самостоятельного бытия малых государств, когда рядом с ними существуют насильничающие государственные Левиафаны типа СССР или нацистской Германии. Противостоять такому антиправовому международному фактору может только сильный государственный организм. Поэтому и неприемлемы для нас поправки, которые Вы вносите в платформу нашего Союза; они зовут к возрождению не мощной России, а раздробленных «16 республик», хотя и в новом демократическом национальном виде. Это пути не наши, а утопистов самостийников, которые и не ставят себе задачи восстановления России в ее целом.

В своих реалистических вождениях мы надеемся опереться на здравый государственный смысл и на авторитет общероссийского учредительного Народного Собрания, как выразителя воли и чаяний всех народов нашей родины. Наилучшей формой сожительства народов многонациональной России, обеспечивающей не только национальные права, но и права таких исторических образований, как напр., казачьи области, нам представляется демократический федеральный строй на подобие тому, который установился в США или Швейцарии. Мы назвали свое государственное построение будущей России «областной федерацией»... Те принципы, которые изложены в платформе «Союза

*) Воспроизводится в сокращенном виде ответ, посланный парижским бюро одной из инициативных групп в американской зоне.

борьбы за свободу России», по нашему мнению, много прочнее обеспечат самые жизненные национальные и областные интересы страны, чем проблематические и сомнительные по своей силе суверенные права народов и областей.

Итак, не «тюрьма народов», а сотрудничество равноправных народов и областей в составе демократической единой федеративной Российской государственности.

Б. Уланов.

2.

Прежде, чем говорить об областной федерации, надо отчетливо и определенно сказать, что наше Отечество есть особый мир, обладающий свойственным только ему одному геополитическим единством, определенным многовековой историей населяющих этот мир народов. Установив это незыблемое положение, следует, как мне кажется, пойти гораздо дальше, чем это сделали авторы проекта, в признании права населяющих Россию народов на полную независимость, ограниченную единством Российского мира и скипетром общего для всех этих народов Главы Государства.

Разделение Российской территории на крупные области (земли) искусственно и нежизненно. Поскольку возвращение к административному делению, существовавшему в России до 1917 г., невозможно и нежелательно, необходимо исходить из существующего территориального деления на союзные и автономные республики с постепенным преобразованием этого деления в соответствии с волей населения. Осуществляя это преобразование, не следует нам, противникам большевиков, применять терминологию более узкую и ограниченную, нежели та, которой пользуются большевики. Поэтому, будучи монархистом и убежденным сторонником политического и хозяйственного единства Российского мира, я полагаю, что мы можем и должны именовать будущие независимые области, входящие в состав России (я намеренно не говорю империи, дабы, пользуясь этим словом, не создавать повода к разногласиям в среде противников коммунизма) государства, а Россию — союзным государством, а не федерацией отдельных областей. Эта точка зрения — мнение того обновленного течения русской монархической мысли, которое я в данном случае выражаю».

С. Л. В—й. (Германия — франц. зона).

Ред. Утверждение, что наша схема «искусственна и нежизненна», так как исходит из старого административного деления, явно основано на недоразумении. Наше построение, как было уже раньше отмечено, очень близко подходит к реалистическим мыслям, в свое время высказанным еще Драгомановым. Связанная таким образом с давней российской общественной традицией, концепция эта не имеет ничего общего с прежними официальными губернскими подразделениями. Развиваемая же автором идея воссоздания на российских просторах своего рода многонациональной «Австро-Венгрии» под единым державным скипетром нам представляется или величайшей утопией, или, быть может, произвольной политической демагогией.

3.

Только что получили издаваемый Вами сборник «За Россию», признаться, ждали с нетерпением проекта платформы «Союза борьбы за свободу России»..

Вопрос государственного устройства будущей России в опубликованном проекте предусматривает областную федерацию и это как раз вызывает недоумение. Почему? Для народов, имеющих хотя бы фиктивную, но по форме союзную государственность, это может рассматриваться, как шаг назад. Такие народы, как Грузины, Узбеки, Казахи, Таджики и т. п. существующую государственность рассматривают, как достижение национального прогресса (я умышленно не беру в пример Украину и Белоруссию). Существующая форма государственно-

сти безусловно дала положительные результаты. Эти народы восстановили свою письменность, имеют национальные университеты, академии наук, школы на родном языке. Все это способствовало изучению своего края и повышению общей культуры этих народов. Конечно, эти мероприятия дают возможность большевикам использовать местную инициативу в своих всем нам известных целях. Современной Россией нельзя управлять из одного центра и ставить другие народы на положение инородцев. Допустимо ли в наше время ставить узбека на положение сарта (буквальный перевод собака), а ведь это один из культурнейших народов Туркестана, чья культура равна культуре Грузии. Созданная культура и народное хозяйство не плод большевистской деятельности, а продукт труда этих народов. Современный Казахстан это не кочевое киргизское племя на степях, покрытых солончаками, а богатейшая республика с ярко выраженной государственностью. Хлопок, каучук, нефть, уголь, свинец, медь, хлеб и т. д. вот настоящее лицо всего Туркестана.

Я готов утверждать, что народы бывшего Туркестана будут бороться за свою государственность и переход на областную федерацию для них, мягко выражаясь, оскорбителен.

Зная эти места не из окна вагона, также могу утверждать, что эти народы не имеют ненависти к русскому народу; они ненавидят большевистскую власть так же, как и русские. За время советской власти произошло наиболее тесное сближение русских с туземцами, так как Туркестан был местом ссылки для русских, которые были творческим элементом в создании хозяйственных ценностей этих республик. Конечно, для того чтобы решать вопрос федерации или союза республик, необходимо решить вопрос, — обязательно ли нужно ломать буквально все, что имеет в настоящее время советская Россия (исходя только из принципа: раз советская — значит к черту) или спокойно и объективно изучив прошлое и настоящее, — оставить ценное и неизбежное, с тем, чтобы не создавать себе искусственных трудностей и создать новую Россию, отвечающую чаяниям населяющих ее земли. Восемьдесят миллионов русских не могут игнорировать сто двадцать миллионов инородцев, в числе которых имеются народы, имеющие свою историю и территорию; сто девяносто четыре национальности имеют свою азбуку и нет принципиально необходимости толкать их на путь шовинизма.

Пережитое Россией за всю ее историю и последние тридцать лет — настолько сблизило все народы, населяющие территорию России, что слово «инородец» теперь забыто. В Советской конституции написано: «...самоопределение наций вплоть до отделения»; тот же, кто знает современную Россию, ее национальные взаимоотношения, географическое расположение, а главное экономику, для того это пустая и безответственная фраза.

Г. К. (Германия — фр. зона).

Ред. Тем легче провести в жизнь предлагаемую нам схему областной федерации, реально охраняющую интересы отдельных народностей и обеспечивающую единство нашей страны.

4.

Есть у нас и первородный русский грех — имперская амбиция. Все мы дети этой эпохи, не изжитой и в так называемом «советском» населении, благодаря специфической внешней политике советов. Помимо того, что эта амбиция не соответствует новой эпохе, в которую вступает все человечество (от которого, конечно, и мы зависим), она вредна и для строительства будущей России. А вот, поди-к ты, и г-жа Кукова говорит о национальной политике Сталина и г-н Двинов о «сильной центральной власти» (в своей платформе) и, наконец, г-н Прокопович в своей, вероятно, не осознанной имперской власти, требует подтянуть потуже животы для продолжения достижений советской власти в обеспечении социализации всей страны.

Что же сказать о наших правых имперских кругах? Все «одним миром мазаны» с одной лишь разницей: в одном случае животные подтягиваются для развития достижений тов. Сталина, в другом — для ба-рина.

В чем же остается наше народничество или тот демократизм, которым мы дышем и который был в природе наших отношений к русскому человеку, так же как и к другим народам России. Неужели он только и гнездится в партийных программах и обходит стороной тот народ, который и составляет его живое содержание? Мне кажется, что этот вольный или невольный обход — есть объективная причина неудачи нашего объединения. Если мы считаем свободу человека, как необходимое условие его творчества, то и свобода каждого народа в среде других народов России, развязанная от пут внутренней имперской политики, является необходимым условием его самостоятельности и его возрождения. Многие, конечно, страшатся «центробежных» сил; но за стену окружающую географически и этнографически территорию России и ее народов все равно не уйти. Этой стеной кладется предел «центробежным» силам, и вопрос сведется к предотвращению междоусобия. Завтрашний день все равно наступит: и посмотреть в него свободному зарубежью и можно и должно. **Почему нам не жить национальными штатами**, где внутренняя политика и образ правления, хозяйственное устройство и культурный рост, будет делом каждого народа, в котором есть достаточный культурный слой, чтобы оправдать такое суверенное существование? Почему не связать эти хозяйства правительством национального представительства, которое по необходимости дружественного сотрудничества лишь урежет суверенные права каждой национальности? Ведь утверждаем мы и общность культуры, и единство экономики (не только для России, но и во всем мире).

Почему противится образованию национальных культур, которые сложатся в общей сокровищнице русской, а затем и общечеловеческой культуры? Или сеятель сеет не для того, чтобы жать и собирать в житницу? Мы русские обладаем исключительным преимуществом перед другими. Наша государственность, раскинувшись на громадных пространствах, приобщила к русской культуре целый ряд народов; и не всегда насилем, а в ряде случаев благоприятным стечением исторических обстоятельств. Но в современных международных условиях так же, как в условиях тех сдвигов, которые произошли в сознании наших народов, по разным причинам, это преимущество может остаться в силе, если русский род наш не останется бездетным, ибо род без новых семей гибнет. Если встать на мою точку зрения, то перспективы ее могут (мне кажется) повести к коллективному творчеству, потому что объединение будет не только на идее негативной, — отрицания коммунизма, но и на идее позитивной, — как можно преобразовать наш большой угол в мире. Для мира и развития смысла человеческого существования.

Вопрос об областной федерации требует возражения по существу. Как, может быть, лишь мне кажется, областная федерация есть репродукция Соединенных Штатов Америки. Историческое образование этих штатов не соответствует такому же историческому развитию России. Штаты Америки организовывались в порядке колонизации и тех местных хозяйственных интересов, которые вслед за этим возникали. В России же мы имеем дело с национальностями, которые существовали в течение всей истории формирования России, как государства, а потом и как империи.

Народности же с их историческим прошлым или сливались с русским племенем или имели надежду в будущем приобрести очертания национальности. Эти соображения и побудили меня написать Вам о «национальных штатах» России.

Эта идея требует раскрепощения самостоятельности национальностей России, т. е. обладания всеми теми ресурсами, которые имеются в сфере ее национальной деятельности, заключенной в ее географической и этнографической территории. **Б. Кр. (Бельгия).**

Ред. Мы вполне разделяем принципиальные соображения, высказанные автором о национальной «самостоятельности» (отметим, что автор себя называет «монархистом по воспитанию»). Но эти соображения вовсе не служат возражением против намеченных нами основ областной федерации, ибо территориальные единицы в большинстве случаев совпадут с этнографическим началом. Лишь большие народности, как великорусская и украинская, распределятся по нескольким штатам, — иначе в государственном организме получится опасное неравенство. Установление только «национальных штатов» неизбежно лишает самостоятельности области, целостные по своему бытовому укладу (казаки) или по своим экономическим интересам. (Сибирь).

ИЗ «БЮЛЛЕТЕНЯ» БАВАРСКОЙ ГРУППЫ С.Б.Св.Р.

...Не думаю, что в эмиграции целесообразно создавать массовые политические организации. Я стою за то, чтобы мы собрали в нашем Союзе культурные силы высокой квалификации, способные включиться в политическую работу. Главное, чтобы был слышен наш голос, чтобы он звучал спокойно и веско, чтобы к нему прислушивались. Надо создать себе авторитет, опирающийся не на количество членов, а на нашу политическую зрелость и терпимость к соседу. Мы должны завоевать себе авторитет у массовых организаций, а не бороться с ними за массы. Мы можем и должны помочь этим организациям в их работе по идейному и политическому воспитанию масс, и особенно поддержать всякую работу, направленную на политическое воспитание нашей молодежи...

...Мы должны быть с новым движением*) в самых дружественных отношениях и, по возможности, стремиться и к коалиционным действиям, и даже, может быть, к созданию контактного органа для совместных выступлений и политических действий. Но для этого нам прежде всего надо **быть**, иметь **свою** платформу, и **свой** периодический журнал. Я все же за республику. Свобода есть республика. А нам нужна свобода, без которой России не быть. Конечно, мне платформа этого Союза ближе других. Но она должна послужить лишь основой для новой платформы. Не для того, чтобы плодить новые платформы, а чтобы выявить общую точку зрения, после чего можно было бы созвать общий съезд или списаться и выработать окончательную платформу. Без консолидации демократических сил эмиграция не окажет помощи России и роль эмиграции сведется к нулю. Но надо сейчас действовать, а то мы скоро все разбредемся. Так легче будет сохранить связь, чем налаживать ее с неизвестными людьми на новых местах... **Б. К.**

Что касается республики, то на этот вопрос, быть может, правильнее было бы ответить так. Я республиканец. Считаю монархическую платформу сейчас не только нецелесообразной, но и губительной для дела освобождения России. Я буду честно служить республике, не за страх, а за совесть. Но нельзя закрывать глаза на то, что жизнь может потребовать ревизии этой позиции. Важное — это свобода человека и демократическая организация государства, а они при известных обстоятельствах могут быть лучше защищены и полнее осуществлены именно монархией, а не республикой. На это нельзя закрывать глаза. Вопрос монархии или республики должен быть для нас не вопросом

*) Имеется в виду программа парижской инициативной группы «Народного движения».

мировоззрения или обязательной доктрины, но исключительно вопросом целесообразности. И если бы силою обстоятельств Россия законным образом, т. е. свободным решением самого народа, высказалась за монархию, ее надо принять и не идти против нее революцией.

Я знаю о существовании монархистов, которые рассуждают о монархии примерно так же, как я о республике, т. е. они говорят, что монархия для них не вопрос доктрины, а целесообразности. «Мы готовы честно служить республике и против нее не хотим поднимать революцию. Республика в России может быть только демократической или приведет Россию к развалу. Свобода и демократия в России могут утвердиться только через монархию. Сейчас вопрос о монархии ставить нецелесообразно, надо бережно отнестись к этой идее, чтобы не дискредитировать ее, она еще может сослужить России свою службу. Надо ждать, когда сам народ увидит, что иного выхода нет, и выберет монарха по самому свободному выбору, может быть, даже установит новую династию»...

Признаюсь, я не вижу существенной разницы между позициями таких сторонников республики или монархии. Монархисты убеждены, что они правы, они знают наперед, как это будет, я же не знаю, как это будет после свержения большевизма. Я не уверен в том, что жизнь поставит вопрос о монархии. А может быть, что и не поставит. Но я допускаю, что эти монархисты в конце концов правы. Почему же нам сейчас не идти вместе против общего врага? Во имя главного — освобождения России от большевизма и реального — русской свободы — надо идти вместе. Отсюда вытекает необходимость поисков формулы, которая могла бы нас объединить в этом вопросе, чтобы мы могли объединиться в одном политическом союзе. Ее найти нелегко. Но раз ее найти надо, она должна быть и будет найдена.

...Я всецело разделяю опубликованную платформу. Надеюсь, что общими силами мы и здесь положим начало Союзу. Безусловно, прежде всего необходима штабная группа, состоящая из квалифицированной интеллигенции. Если Вы создадите группу, аналогичную Парижской, с моей стороны Вы встретили бы не только поддержку, но и полную готовность активно вместе работать...

АВТОРИТЕТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Мы все пребываем в каком-то хаосе. Сильные мира сего нами не интересуются (в политическом смысле), наши старые партийные группировки набросились на наши кадры из новой эмиграции и стараются растащить их, сами грызутся между собою, и становится страшно от предстоящей перспективы. Ведь война неизбежна, и против общего мирового коммунистического фронта мы предстанем, как слоеный пирог. Мне кажется, что распыление наших сил по партийным клеткам лишит нас возможности сколотить мощный антибольшевицкий кулак для борьбы.

На какой партийной платформе может произойти концентрация сил? Я такой не вижу. Пусть каждая партия развивает и углубляет свои идеи, пусть пополняет свои ряды для будущей послебольшевицкой борьбы за власть, но против большевиков нужна общая борьба, нужна политическая платформа, на которой могли бы сойтись все. Этого не даст нам ни одна политическая партия. Правда, классические партийные деятели приходят в ужас от такого неудобоваримого блюда, как наше предложение, но это будет единственный разумный подход к разрешению вопроса в момент столкновения. Опыт прошлого доказал, что все русские акции во время этой последней войны, не имевшие глубокой моральной идеологии, людей объединить не смогли и превратились в мелкие немецкие вспомогательные силы; а как их немцы поддерживали! (Кстати, деяния этих господ часто приписываются вла-

совцам, хотя они с ними ничего общего не имели). Велика ответственность тех политических деятелей перед Родиной, которые и до сего дня не поняли, что не о партийных интересах надо думать, когда решается судьба России.

Большевики своей безумной политикой восстановили против себя все народы мира и расплатиться за все это придется России и русскому мужику своими боками. России грозит опасность — быть или не быть. О ней никто не думает. Большевикам она нужна, как плацдарм для дальнейшей борьбы во имя мировой революции, а мы только и заняты взаимной грызнёй и норовим поудобнее схватить друг друга за горло.

В заключение хочу Вам сказать, что выставленная Вами программа вполне совпадает с 14-ю пунктами нашего манифеста, хотя есть и разница. Это обстоятельство обязывает нас протянуть друг другу руку и двинуться вперед на борьбу общим фронтом. Думаю, что этот шаг послужит и другим примером. **К.**

О «РОССИЙСКОМ ДЕМОКРАТЕ»

...Появление Вашего журнала событие в нашей бедной событиями жизни, и я могу только приветствовать его появление. Без всяких «но» могу сказать, что мы от Вашей работы в Париже ждем чрезвычайных успехов, душевно желаем их Вам и верим, что «Р. Д.».. станет ведущим общественно политическим органом нашего зарубежья, а Бог даст и нашей родины. (Из письма видного «власовца» в зоне ок.).

Нам очень нужна теория... русского антибольшевизма. Дать это трудно, но надо найти, надо создать эту теорию и... Ваш журнал очень поможет, если станет печатать статьи по отдельным вопросам теории антибольшевизмского движения. (Так же из письма «власовца»).

«Рос. Дем.» я получил и прочел его, не отрываясь от первой до последней страницы. В тот же день я передал его другим лицам. Я поставил себе задачу, как можно шире распространять его среди здешней публики. (Нов. эм. — Франция).

«Содержание первого номера очень хорошее. Несмотря на страшную усталость, испытываемую мною после работы, я прочитал его в два вечера с большим удовольствием. Перечитываю еще раз, так сказать, смакую. «Рос. Дем.» дает урок, как надо писать культурно. (н. э. — С.Ш.).

Случайно мне попался в руки номер руководимого Вами журнала. Я настолько заинтересовался его содержанием, что, пока не прочитал от начала до конца, не лег спать. Ваш журнал относится к категории таких, что вряд ли за рубежом существует подобный ему по меткости, с какой он атакует большевизмскую систему. По моему убеждению сотрудники журнала принадлежат не только к способным для подобной деятельности людям, но и к тому, как видно, сами пережили ужасы большевизма и пылают огненной ненавистью к тирании, уже тридцать лет в своей кровавой лапе держащей несчастный русский народ. Приветствую от всего сердца и желаю Вам полного успеха. (Буэнос-Айрес).

ПОЖЕРТВОВАНИЯ

С 1 сентября по 15 октября редакцией получено: от В. П. (Нью-Ховен) 4.500 фр.; от Кр. 3.000 фр.; от Л-а 200 фр.; от Тр. 100 фр.; от Ц-ва 1000 фр. на организацию «Союза Борьбы за Св. Р.»; от П-ва 500 фр. на защиту в итальянском деле («Рос. Дем.» № 1); от М. (Медон) 500 фр. на помощь Ди-Пи. Всего — 9.800 фр.

ПОДПИСКА НА «РОССИЙСКИЙ ДЕМОКРАТ»

1. Принимается подписка на журнал «Российский Демократ»: 3 номера — 200 фр.; 6 номеров — 400 фр.; Отдельный номер — 75 фр. Заграничные абоненты могут оплачивать стоимость журнала почтовыми международными купонами.

2. Деньги должны направляться **исключительно** на имя С. П. Мельгунова — желательно на почтовый текущий счет (compte courant): *Melgounoff Serge*. Paris c. 1841-19.

(Если на почте требуют адрес, надо ставить адрес издательства).

3. В **Соед. Шт.** подписка на 3 номера 1.25 д.; на 6 номеров 2.50 д. В **Бельгии** 3 номера 40 б. фр.; 6 номеров 80 б. фр. Подписка принимается у представителей издательства (адреса ниже).

ВЫШЕДШИЕ СБОРНИКИ:

За 1946 г. № 1. «Свободный Голос», № 2. «Свободный Голос», № 3. «Свободный Голос», № 4. «Свободное Слово».

За 1947 г. № 5. «Независимое Слово», № 6. «Свободная Мысль», № 7. «Независимая Мысль», № 8. «Независимый Голос», № 9. «Независимый Голос», № 10. «Свободная Мысль».

Цена первых десяти сборников по 30 фр.

За 1948 г. № 11. «Россия и Эмиграция», № 12 «За Россию», № 13 «За Свободу России», № 14 «Борьба за Россию», № 15 «Рос. Демократ».

Цена сборников по 50 фр.

Подписывайтесь на журнал

„ ЧАСОВОЙ “

Подписка принимается в Париже в кн. маг. «Возрождение» («La Renaissance», 73; avenue des Champs Elysées) из расчета 25 фр. за номер (в розничной продаже 30 фр.).

Из остальных стран можно посылать три межд. купона за номер по адресу:

«La Sentinelle», Boite Postale 31, Ixelles 4, Bruxelles, Belgique.

Сборники продаются в **Париже**: 1) Книжный магазин «Возрождение», 73, av. des Champs-Elysées; 2) Кн. маг. Сияльской, 2, rue Pierre-le-Grand; 3) Les Editeurs Réunis, 29, rue Saint-Didier и в большинстве других русских книжных магазинов.

В **Бельгии**: Librairie Slave, 13, rue de Roumanie, Saint-Gilles, Bruxelles;

В **Лондоне**: Russian Library, 34, Hanway Str. London W. 1.

В **Нью-Йорке** представителем издательства является А. П. Под.: 257 East 3 St. New-York 9 N.Y.

В **Германии**: 1. (франц. зона) в Библиотеке Церк. Прих. Совета — Lindau. (Bodensee) Hauptstr. 1. Die Bibliothek der Orthod. Kirchengemeinde. 2. (американская зона) у Н. З. Рыбинского Russian D. P. Camp Bar 85/I. München-Feldmoching и у Н. Н. Миловского. München 27, Zaubrerstr. 32/II.

В **Австрии**: 1. (франц. зона) Columbus-Verlag. Feldkirch. Vorarlberg. Postfach. 2. (амер. зона) Russische Buchhandlung D. P. Lager «Parsch» № 7, Salzburg.

Directeur : H. HELLER. Edit. « Les Indépendants »

IMP. UNION, 13, RUE MÉCHAIN, PARIS

С 10 ноября
РУССКАЯ МЫСЛЬ

выходит
ДВА РАЗА В НЕДѢЛЮ
ПО СРЕДАМ И СУББОТАМ

●
ИНТЕРЕСНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН
В КАЖДОМ НОМЕРѢ КРЕСТОСЛОВИЦА
НОВЫЕ ОТДѢЛЫ
РАСШИРЕННАЯ ИНФОРМАЦІЯ
СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ
ВО ВСѢХ СТРАНАХ РУССКОГО РАЗСѢЯНІЯ
●

Измѣненія в правилах подписки :

Подписная плата, присланная в газету, засчитывается соот-
вѣтственно числу номеров (считая по 13 номеров в 3 мѣс. по
прежним правилам и 26 номер. в 3 мѣс. при новых условіях)

« РУССКАЯ МЫСЛЬ » обращает вниманіе
подписчиков на измѣненіе сроков их подписок

●
С № 82 устанавливается подписная плата
ДЛЯ ФРАНЦІИ :

На 3 мѣс. (за 26 ном.)		500 франков
На 6 мѣс. (за 52 ном.)		900 франков

ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ

цѣна подписки в полтора раза выше, а именно :

На 3 мѣс. (за 26 ном.)		750 франков
На 6 мѣс. (за 52 ном.)		1.350 франков

●
Адрес редакціи и конторы :

26, rue de Montholon. Paris-9 - С. С. Р. 5883:44. Paris